

*Александр Марков*

# **ВАГОН ЛЕНИНА**

роман

## Пролог

Лондон. 14 мая 1907 года. 19.30.

Церковь преподобного Ф.Р. Свона, Саутгейт-роуд, район Уайтчепл.

Как ни странно, тот май выдался сухим, и ясное небо, отливая синевой, покачивалось на церковных шпилях, приглашая лондонцев забыть обо всем бренном и порадоваться весне. Неприметная церквушка на окраине громадного серого города была такой же серой, неприметной и не доставала своим шпилем до неба.

Местный приход был незначительным, тому преподобный Свон недолго раздумывал над предложением элегантного чужака, акцент которого явно выдавал в нем шведа или русского. Предложение хоть и странноватое, но выгодное – на три дня арендовать церковь для некоего собрания. Разумеется, никаких шалостей не будет, соберутся люди серьезные. При этом чужак поглядел на треснувший крест на фасаде притвора, Свон проследил его взгляд и подумал то же самое – ремонт церкви явно не повредит, как и деньги.

На эти три дня Свон уехал провести как раз кстати или некстати занемогшую старую мать.

И эти три дня стены церкви сотрясали яростные непонятные славянские речи, шум, гам – серьезные люди превратились в хулиганистых мальчишек. Они орали, свистели, топали, визжали, хрипели. И если бы Свон внезапно вернулся, он бы ужаснулся от того, что приходится выслушивать его стенам, хоть и на непонятном языке – христианскими добродетелями, скорее всего, там не пахло...

Шел второй день съезда РСДРП – Российской социал-демократической рабочей партии.

Церковный зал представлял собой далеко не мирных и набожных прихожан. На вытянутых в длину деревянных скамьях находился самый разношерстный волнующийся народ.

Один из создателей РСДРП и ее идейный вдохновитель Григорий Валентинович Плеханов, безукоризненно одетый - с иголки: белоснежный ворот рубахи оттенен черной бабочкой и строгими лацканами дорогого черного пиджака, - изучает зал. Он уже устал и его аристократическая поза более небрежна, чем обычна. А может Григорий Валентинович этим выдает свое отношение к происходящему?

Он сидит за накрытым скатертью столом, в стороне от других членов президиума. Ему все сложнее понимать – где и когда он перестал держать нити происходящего. Нет, не вчера и не сегодня. Это стало ясно куда раньше, что его взгляды становятся все более неприемлемыми для многих. Особенно для этого молодого лобастого лысеющего человека с горящим взглядом фанатика и бородкой клинышком, которому он некогда симпатизировал и почитал за яркого революционера.

Сейчас этот молодой человек рвался снова на импровизированную трибуну, сколоченную из сосновых досок.

Какой раз он уже выступает? – подумал Плеханов. – Кажется, чуть ли не сотый. Но какова энергия!

Он перевел взор снова в зал. Какой слоеный пирог – все сидят своими фракциями – еврейские товарищи (БУНД) отдельно, меньшевики – тоже, большевики вообще оккупировали весь центр. Вон, как поддерживают своего лидера. Не будет у нас единства. Плеханову стало грустно и скучно.

А молодой лобастый человек уже стоял у трибуны и уверенно поднял руку вверх. Он даже не заметил, как еще один член президиума – Мартов, который и восторгался и побаивался этого лобастого, одернул его за полу пиджака

– Ульянов, это уже настоящее свинство выступать без регламента...

А в зале кипела, бурлила жизнь. Кто внимательно смотрит на трибуну, кто бьет ладонями по коленям, кто-то грозит кулаком, кто-то свистит, кто топчет ногами о пол, кто лихорадочно грызет ногти, кто со слезами умиления на глазах взирает вперед, кто, подбоченясь, опираясь на колонну, ироничен.

Худой изможденный молодой грузин, в котором еще не скоро узнают грозу этого века, с трудом пытается что-то говорить сидящим рядом Зиновьеву и Каменеву. Те ни черта не понимая, дергают за фалды Троцкого – симпатичного очкарика с буйной черной шевелюрой

Каменев, уже охрипший кричит в ухо Троцкому.

- Ты можешь перевести, что лопочет этот кавказский товарищ? А кто он вообще?

Троцкий повернул красивый профиль и возбужденно отмахнулся:

- Это – товарищ Иванович, Погоди, не до него.

Ульянов тоже возбужден, ему передалась атмосфера зала, беспокойная и неоднозначная как море. Это – его стихия. Какое упоение – борьба! Он даже не почувствовал, что жестикулирует, что галстук на рубашке съехал на бок, что сама рубашка покрылась пятнами проступающего пота. Мелочи! Его трясет от возмущения:

- Господа меньшевики считают нас этакими неучами, хулиганами. Они – аристократы! Да! Да!

И будто он бросил зажигалку в это море и воспламенил его. Заулюлюкали, засвистели, загрохотали – пойдй разберись от солидарности с его словами, или от негодования.

- Господин Плеханов пытался нас убедить, что нужен союз с буржуазией. Че-пу-ха! Заявляю съезду – на союз с врагами можно идти лишь в крайнем случае, а таковой еще не представился. Все, кто против нас, будут преданы анафеме! Только российский пролетариат...

Свист, топот. Грузин Иванович с горящим взором впивается взглядом в Ульянова. Он еще с трудом понимает многие русские слова, но его покоряет манера поведения Ульянова. Так и надо – нагло, уверенно, агрессивно. За кем

сила, за тем и правда. Вот у кого стоит учиться быть настоящим революционером.

Внезапно он вздрогнул. У самого уха вскочил Троцкий и, сложив ладони рупором, зазвенел:

- Давайте создадим промежуточную группу!

Ульянов даже подпрыгнул на трибуне, отыскивая кричавшего. Наконец, увидел:

- Вы, господин Троцкий, замаскированный меньшевик, создавший кучку отщепенцев – да! да! я всех вас вижу! – но ваша миссия по всем законам политической борьбы – об-ре-че-на. Ну-те-с!

Троцкий в гневе даже завизжал:

- Вы, Ульянов, лицемер!

Иванович невольно улыбнулся. Ему понравилось, хоть он и не все слова понял, как Ульянов осадил этого выскочку Троцкого. Он недолюбливал этого высокомерного еврея за то, что тот был умнее, образованнее, колоритнее – и не скрывал, даже кичился своей персоной, особенно перед такими, как он считал, дремучими товарищами с окраины империи, азиатами – одним словом. Но главное, почему Иванович недолюбливал этого разночинца, пытающегося влезть в тогу аристократа, это то, что Троцкий был ближе к Ульянову, даже позволял себе с ним беспардонное панибратство. И Иванович ревновал к чужому успеху. Сам он к Ульянову подойти робел.

А зал бесновался. Справа неслись бурей голоса:

– Долой Ульянова!.. Зачем его выбрали в президиум!.. Хам!... Он за два дня съезда уже в сотый раз лезет выступать!

Но сбоку эти слова разбивались о встречный фронт голосов:

- Правильно, Ульянов!)

Высокий худой человек с опущенными густыми усами, в котором любой русский узнает любимого писателя Горького, насуплен и отрешенно смотрит в пол. Правда, временами он окидывает цепко взглядом того или иного человека, словно оценивает его, и снова погружается в свои писательские раздумья.

Сзади Горького вскакивает тщедушный и энергичный Церетели, один из меньшевистских верховодов:

- Съезд не место для философских дебатов!

Даже Мартов не выдерживает, стучит кулаком по столу:

- Не учите нас, мы не гимназисты!

И словно эхом от колонны некий бородатый, заикаясь, покрывает все густым басом:

- В за-гов-вор-чи-ки играете. Бланкисты!

Зиновьев, с сардонической улыбкой наклонился к Ивановичу:

- Густо говорит! А, друг?

Иванович молча кивает. Он полагает, что Зиновьев имел ввиду не бородача а Ульянова, который с видом победителя стоит, уперев руки в трибуну, и прищуренным взглядом ищет серьезного соперника.

Плеханов не выдерживает:

- Но союз с крестьянством?

Ульянов даже не посмотрел в его сторону:

- На них нельзя полагаться, в них глубоко сидит инстинкт собственности...

Мартов задумчиво кивает, но спохватывается:

- А кадеты, Дума?

Ульянов на этот раз соизволил повернуться к президиуму, чтобы оценить глупость Мартова:

- Ха-ха-ха! Тупы и продажны!

А неугомонный Церетели со своего места чуть ли не падает на голову Горького:

- Но есть же понимающие помещики, дворяне...

Ульянов непреклонен:

- Хе-хе-хе! Союз с ними – господа, вы бредите!

Плеханов раздраженно стучит костяшками холеных пальцев по сползающей со стола скатерти:

- Не вижу ничего смешного. Ведь нас поддерживают даже аристократы, почему мы должны от них отречься чохом?

В ответ с трибуны несется веселое и уверенное:

- Хо-хо-хо! Чушь! Е-рун-дистика! Фата-моргана! Мы, большевики, отсекаем себя от всех этих сословий, ибо они – архивраждебны нашим идеям. Только пролетариат! Только могучий русский пролетариат... Вы еще увидите его силу, вы еще узнаете его мощь...

Иванович потрясен, он влюблен в Ульянова. Какая сила доводов. Какая уверенность в своей правде.

Голос из зала истерично взорвался в накаленном пространстве:

- И кто же будет его вести? Это же еще неразумные дети, темнота, болото!

Ульянов на миг затихнул и в экстазе поднял глаза:

- Мы поведем!

И очень тихо добавил:

- Я...

Берлин. Вильгельмштрассе. 25 мая. 1907 года. 13.45.

На материке тоже стоял сухой и ласковый май. В немецкой столице вовсю пекло солнце, и потому окна кабинета кайзера Вильгельма были завешены массивными темно-бордовыми шторами, через которые не проникал ни один луч.

Кабинет был выполнен во вкусе кайзера – простота и изящество, никаких вычурностей и излишеств. Строгие полки книг, к которым Вильгельм не прикасался. Портрет Бисмарка, зеркала и вазы с цветами. Кайзер считал, что немецкий народ, которому предстоит выполнить свою историческую миссию, должен жить в простоте, как некогда любимые им

спартанцы. Ибо только голодные и злые способны на великие подвиги. Сытые же всегда обречены на поражения.

Сам кайзер – худощавый высокий мужчина в великолепном смокинге – сидел в уютном высоком кресле и с трудом сдерживал зевоту. Напротив стоит навытяжку Диего Берген, ответственный чиновник МИД Германии.

Берген был внешне полной противоположностью своему кайзеру. Склонный к полноте, невысокий крепыш в пенсне. Но у Бергена была голова, и кайзер ценил эту голову, прощая Бергену и его склонность к мотовству, богатству, женщинам и выпивке, и даже это дурацкое неарийское имя – Диего.

Кайзер отбросил бумаги, которые держал в руках, на стол

- У меня голова заболела от чтения этой глупости, Объясните в двух словах, Берген.

Тот с готовностью кивнул:

- Этот отчет о съезде русских социал-демократов весьма любопытен. Он дает пищу для оптимистических надежд.

Кайзер поморщился:

- Не так велеречиво, Берген, вы не на дипломатическом рауте. Быстрее, у меня дела в манеже.

- Слушаюсь, - подобрался Берген. - Из всей болтовни, так свойственной русским, мы отметили появление одной фигуры, которая может в будущем принести немало хлопот России.

Кайзер подал плечами:

- России? Господи, зачем мне это?

Берген как бы и не услышал высокородной реплики:

- Это фигура не созидателя, а разрушителя. И поэтому она заслуживает нашего тщательного внимания.

Кайзер понял, что Берген может завестись и долго и нужно начнет просвещать кайзера о каких-то там русских и разрушителях. Он небрежно отмахнулся:

- Ну, ладно, ладно. Вы уверены, что он будет нам полезен? Хорошо, хорошо, занимайтесь им, если он может пригодиться. Вы и так слишком много берете деньги у германской казны, надеюсь, на этот раз берете на нужное дело. Как зовут вашего героя?

Берген с запинками выдавил:

- У-уль-я-нофф.

Кайзер удивленно приподнял бровь:

- Какое странное имя? Вообще – странный народ эти русские...

Берген вежливо склонил голову:

- Вы как всегда мудры, мой кайзер.

## Часть 1

Императорская Россия агонизировала стремительно и безудержно. Ничто уже не могло остановить летящую под уклон колесницу государственной власти, и, казалось, сам государь отрешенно с мест возницы наблюдает это падение, принимая как неизбежную расплату за грехи свои тяжкие.

Общее недовольство доходило до венценосного Николая импульсами. Одни из них гасились приближенными, другие ими же фильтровались и преподносились как обычное недовольство черни в любое военное время, третьи не заметить было нельзя, ибо они внятных оправданий не имели. Потрясающее царскую семью убийство аристократами Юсуповыми святого Григория было одним из таких. Царь запомнил пророчество мутного расстриги – после моей смерти недолго будешь царствовать и ты. И это предсказание, как крест, легло на его душу. Мнительность жены передалась ему и преследовала как мания. Он ждал и не противился неизбежному. Те, кто еще как-то пытался повлиять на него, вернуть к активности, разочаровались. Царь был меланхоличен и удручен.

Россия же пребывала в привычном сонно-встревоженном ожидании. Великие дела творились в столицах. Провинция же дремала. Волнения в Петрограде мало сказались на обычном режиме жизни страны. Во всем своем исполинском росте она тянула ту же ляжку - просыпалась сеяла, жала, рожала, хоронила, ходила с протянутой рукой, богатела и нищала, и была далека от большой политики, по традиции покорно полагая – так угодно Господу.

И вот – грянуло. На псковской земле, на железнодорожной станции с примечательным названием Дно – царь ушел из власти.

Это был 1917 год. Февральская революция. Отречение Николая 2-го от престола. Толпы народа на улицах Петрограда ликовали грядущим переменам. Мало кто еще понимал, что оно там будет в розовой дали, но почти все понимали, что не будет так, как было раньше. Демонстрации стали любимым времяпрепровождением. На них собирались как в театр – и себя показать, и на других поглазеть. А вообще жутко интересно - речи неистовых ораторов, призывавших ко всему, и тут же речи их соперников, отвергавших предлагаемое и выдвигавших свои идеи. Несмотря на морозе, Петроградом овладело всеобщее возбуждение и ликование. Марсельеза и Варшавянка воспринимались как что-то свежее и влекущее, доносившее шум неведомого мира, и на этом фоне уже смешно воспринимались звуки и слова, просившее Бога хранить царя...

Кипел Петроград, закипала Москва, просыпалась остальная Россия. И даже во фронтовых окопах, на зиму вдруг потерявших военный запал после сражений осени 1916 года и ушедших в зимнюю позиционную спячку, с любопытством прислушивались к разноречивым слухам с Востока.

И лишь в одной стране центра Европы размеренно текли время и жизнь, и щедрое солнце освещало сытое размеренное благоденствие этой страны.

Холодные ветры перемен далекой имперской Московии сюда не долетали, и сама странная и далекая Россия воспринималась почтенными швейцарцами как некое экзотическое государство наподобие Индии или Бразилии, где все оно и интересно, но не тревожит душу...

Швейцария. Цюрих. 1917 год. 15 марта. 9.56.

Солнечное утро осветило небольшой флигель, построенный неподалеку от центра города. Гул центральных улиц, заполненных праздным и занятым людом, сюда не долетал. Чудесный лесистый парк скрывал этот ненужный шум, открывая простор покою. А с другой стороны пешком пройти до центра – всего-навсего четверть часа.

Этот флигель, как знали соседи, снимала одна семья русских эмигрантов, людей смиренных и чинных, судя по всему, небогатых. Чем они занимались – никого не интересовало, швейцарцы не любят совать нос в чужие проблемы, чтобы они не стали затем – собственными.

Внутри флигеля все было обыденно просто – небольшая уютная кухонька, где готовили, ели и принимали гостей, спальня и комната, переоборудованная под рабочий кабинет. Внимательному стороннему гостю показалось бы странным невероятное количество книг, которые не только занимали большую часть комнаты, но в беспорядке (в котором улавливалась некая система) лежали одиночно, связками и кипами по всему флигелю, включая и веранду.

В полной тишине русские позавтракали. Невысокий подвижный человек, с явно прогрессирующей лысиной, умными сощуренными глазами, в которых читалась апатия и скука, церемонно передал хозяйке пустые тарелки:

- Спасибо, Надюша.

Надюша молча кивнула, осторожно пошла к мойке на кухне и стала мыть посуду. Все это она делала осторожно, чтобы не отвлекать внимание мужа, и если случалось загреметь ложкой, она виновато смотрела в его сторону – насколько этот шум отвлек его внимание.

Однако он сидел на веранду, закинув ногу за ногу, и читал газету.

Вокруг была волшебная и полная тишина. Даже тиканье часов казалось громким и ненужным, подчеркивающим, что где-то идет жизнь. А здесь лишь - ощущение бесполезности и затянувшейся безысходности.

Муж Надюши давно сменил свою фамилию – в 1912 году после расстрела русских рабочих на далекой сибирской реке Лена, он, потрясенный, напроць отказался от своей исконной фамилии, сравнив подвиг тех рабочих с подвигом французских коммунаров, и стал себя именовать и в своих трудах подписываться одним красивым и емким словом – Ленин. Возможно, это хоть как-то сближало его с далекой и, по большому счету, забывшей его Родиной, в которую он не мог попасть вот уже десять с лишним лет.

Горек и скуден хлеб эмиграции...



Ленин вдруг отбросил газету, решительно вскакивая и расхаживая по веранде.

Веранды ему показалось мало и он прошелся по кухне, задевая жену – Надежду Крупскую, пытающуюся прижаться к мойке.

- Нет, ну это ненормально, Христу в пустыне и то было легче! Я скоро заржавею. Весь мир погрузился в сон. Даже на фронтах затишье...

В его словах чувствовалась боль и бессилие. Энергия этого человека ржавела и рушилась. Она не находила выхода. Да, конечно, он не одинок, он не последний человек среди русских эмигрантов, принадлежащих к социал-демократам. И все же они в благополучной и изобильной Швейцарии, а не среди сибирской тайги на поселении. Но как все осточертело! Не к такой судьбе он готовил себя, не ту стезю выбирал. А время уходит... Вот что слышала Надюша из его отчаянных слов.

Она решила отвлечь мужа от беспощадных и овладевших его мозгами мыслей.

- Володя, хозяйка сказывала, что пора бы заплатить за дом, и так просрочено сколь...

Но прогадала. Ленин нахмурился, покачался на носках стоптанных сандалий и ответил раздраженно:

- Вот они события вселенского масштаба, счет за этот сарай, черт возьми!

- Володенька...

Володенька воздел руки к небу:

- Да, Надюша, не стоит волноваться. Вообще ничего не стоит. Все – тлен и сон.

Он хотел еще что-то добавить, но махнул рукой и вышел снова на веранду, подобрал газету, поерзал, вздохнул снова стал читать.

Крупская и сама вздохнула – как она его понимает. Ей самой надоело вести эту жизнь скитальцев – нигде ни своего угла, ни своей посуды, ни своей кровати. Все чужое – от вилок до разговоров. Как-то она пыталась поговорить с хозяйкой о возвышенном, о том, для чего человек приходит на эту землю. И увидела перед собой тупой и ничего не понимающий взгляд – как для чего: ребенка родить, в достатке его воспитать, чтобы он на старости лет не позабыл о своем долге, да вот еще корову не забыть подоить, нынче молоко вздорожало, надо это использовать...

Да что там говорить. Надежда вытерла посуду и посмотрела в окно.

Она снова вздохнула, сознавая, что скажет новость неприятную для мужа:

- Вон, Пшиманский, кажется, к нам...

Ленин с веранды чуть ли не взвизгнул:

- Нет. Уж это слишком. Лучше скука, чем слушать этого свихнувшегося на идее великой Польши эмигранта...

Но он не успел ни убежать, ни даже снять гримасу недовольства с лица.

Пшиманский, этот польский социал-демократ, скрвавшийся от российской царской озранки в блаженных швейцарских просторах, как

большинство иных товарищей по партии, влетел в маленький зеленеющий дворик, мигом оказался на веранде, хватанул стакан, налил туда воды черпаком из ведра и выпил залпом.

Он был очень возбужден. Ленин с вышедшей Крупской недовольно и изумленно уставились на него.

Ленин не питал к Пшиманскому никаких чувств – ни добрых, ни злых. Он считал его вообще недоразумением, с которым приходится мириться. Вместе с тем, Пшиманский прекрасно осознавал роль Ленина в иерархии эмигрантской социал-демократии, и вот так припереться незваным гостем вряд ли мог.

- Позвольте, господин Пшиманский, вы не в кабак...

Пшиманский, что вообще было немыслимо, махнул отчаянно рукой в его сторону.

- Пустое... Вы что не слышали?

Ленин встал, подбоченился и постарался придать своему голосу максимум сарказма:

-Что, осмелюсь поинтересоваться? Умер кайзер Вильгельм?

Пшиманский, что было вообще верхом наглости с его стороны в доме главы местных российских революционеров, заорал:

- К черту кайзера! К черту всех! Вы что, в самом деле не слышали новостей?

- Да что вы заладили? – наконец взорвался Ленин.

Пшиманский ошарашено посмотрел на него, затем на Крупскую, словно исследователь на открытых им личинок. Залпом хватанул второй стакан воды.

- В России революция! Революция, товарищи!

Ленин с Крупской даже не поняли, как они оказались на улице, и почему торопливо идут, едва ли не бегут к Женевскому озеру.

Это какое-то наваждение. Встречные прохожие смотрели на них как на полоумных и участливо отходили в сторону – у этих людей какое-то несчастье. Но ни Ленина ни Крупскую не волновали чужие взгляды, им было не до цивилизованных приличий.

Там в России – революция... Эти слова стучали в сердце, отдавались по всем артериям, заставляя прибавлять шаг.

Около берега у газетных щитов толпились люди, читая свеженаклеенные газеты.

Ленин даже подпрыгнул, чтобы разглядеть, что там читают. Но – не увидеть. Экая тупая толпа бездельников, - подумалось ему. Нет уж, дудки, он должен сам убедиться в том, что ему сказал Пшиманский, и он зубами вырвет эту новость из наклеенной пропечатанной бумаги.

Он протиснулся, работая локтями, как заправский подвыпивший работяга, мечтающий о холодной кружке пива и стоящий последним в очереди. Он забыл обо всем - о Крупской, о себе, обо всем окружающем

мире. Лишь бы пробраться к щиту. Недовольные, но вежливые читатели уступали ему путь.

Вот он – текст. Глаза прыгают по строчкам, или строчки сами прыгают от возбуждения. Он никак не может успокоиться. Ну почему же какой-то третьестепенной новости эта цюрихская газета уделяет чуть ли не половину полосы, а самому главному мировому событию – не больше нескольких абзацев.

Он читает, он запоминает наизусть эти скудные слова. Его глаза уязвены, затем сверкают. Ленин от возбуждения припадает ногой. Пшиманский не соврал. В это страшно поверить – в России революция. Неужели свершилось.

Его шатает от осознания прочитанного. Годы, десятилетия невыносимого напряжения сил, лишений, странствий по половине Европы, ненависть и презрение, сомнительные лавры признания группки воспринявших его идеи сторонников и бессильная ярость на всю Россию, которая не хочет его принять, не хочет его понять, не хочет его. Но он предвидел, что революция будет. И он прав. Назло всем сомневающимся и плаксам, нытикам и Фомам неверующим.

Закружило голову от некоего, словно изнутри вырвавшегося озарения, которое вспышкой ослепительного света, как ему показалось, разверзлось вокруг него.

Мессия...

Так звали тех, кто приходил в этот мир менять его до основания.

Мессия...

Так звали тех, кому не верили, не жалели, предавали и распинали.

Мессия...

Так звали тех, кому, освобожденные от прежних догм и предрассудков, преклонялись в вечном прощении своих заблуждений.

Ленин вырвался из толпы читателей к Крупской. Его глаза наполнились слезами того, что он чувствовал в себе сейчас. Он счастлив.

- Свершилось... свершилось, Надюша. Немедленно на почту. Телеграммы... Зиновьеву, в первую очередь...

Он бормотал несвязно, увлекая Крупскую в сторону почты, как одержимый. Она, глядя на его слезы, текущие по лицу, на эту счастливую – за сколько лет она ее, наконец, дождалась – улыбку, даже глупое по-детски выражение его лица, она сама заплакала от нахлынувшего и покрывшего ее целиком счастья.

Свершилось... В России – революция...

На почте среди бела дня было привычно пусто. Полусонная, одуревшая от небывалой для этого времени года духоты, почтовая работница отмахивалась от мух длинным белым конвертом и коровьим бессмысленным взглядом рассматривала странного человека, увлеченно писавшего что-то за столом – ей даже здесь был слышен треск пера. Затем она переводила взгляд на стоявшую рядом женщину, на лице которой застыла торжественная улыбка. Наверное, эти люди выиграли состояние, - думалось работнице, и от

этого у нее портилось настроение, ибо чужие успехи мало кого радуют. А эти, эвон как, мало ли не пританцовывают.

Ленин аккуратно промокнул пресс-папье открытку и помахал ею перед женой:

- А вот эту открытку я пошлю Михе Цхакая. Он еще в пятом году мне сказал. Что мы увидим русскую революцию. Слушай: Поздравляю вас с революцией в России. Ваш оптимизм был скоро вознагражден. Я готовлюсь к отъезду, упаковываю вещи. А вы, чем занимаетесь вы?

Крупская неуверенно посмотрела на него:

- Мы уезжаем?

- Да, немедленно, безотлагательно! – ответил он, хватая новую открытку, и тут же строча по ней ручкой.

- Куда, Володя? – Надежда выглядела озадаченной.

- В Россию, душенька... в Россию, - напевал он себе под нос.

- Как... как мы туда доедем? – просто спросила она, и ее руки опустились.

От этого простого вопроса, рука над открыткой замерла, Ленин непонимающе посмотрел на Надю, на его лице появилась мина обиженного чада. Он озабоченно посмотрел на нее, на любопытную корову за почтовой перегородкой, и его рука с ручкой тоже безвольно опускается вниз.

Корова довольно хихикнула.

Откуда-то прилетела жирная большая муха и стала неистово кружиться по помещению. Она явно не представляла – куда попала, и ей захотелось вырваться из этой духоты на уличное раздолье. Наконец, она увидела впереди это прозрачное спасение и, гудя, понеслась к нему, и тут же, ударившись, недовольно зажужжала, и стала неистово рваться на это стекло, биться о него, подлетая и врезаясь, даже вгрызаясь в непонятную ей преграду, отделявшую ее от свободы.

Ленин непонимающе смотрел, как почтовая служащая подняла свой толстый зад, быстро прошлепала по полу и довольно ловко и со знанием дела прихлопнула муху конвертом в руке...

Германия. Дворец Сан-Суси. 1917 год. 15 марта 12.40.

Аккуратные аллеи с уже пробивающейся травкой радовали глаз кайзера. Но еще больше его радовали стоявшие за прудом скульптуры, аккуратно выстроенные в ряд и напоминавшие застывших солдат на параде. Он бы с удовольствием обрядил бы эту нелепую античность в добротный немецкий мундир, но приходилось мириться с существующим порядком вещей, которые даже он, кайзер, не мог изменить. Разрушить цивилизацию и прослыть великим, это не одно и то же, как, например, разрушить древние статуи и прослыть варваром. И кайзер чувствовал разницу.

Он прохаживался по словно отутюженной аллее, с удовольствием впечатывая в нее каждый шаг, вместе с Бергенем.

За прошедшие годы оба постарели, но это больше относилось к Бергену, с которого за последние годы исчез румянец на щеках, да и в пенсне пришлось ставить стеклышки иных диоптрий. Хотя бодрости Берген не утратил, и по-прежнему стремился выглядеть молодожаво и уверено. Впрочем, уверенность его сочеталась с преданностью Германии, а значит и ему, лично, так считал кайзер. Ему очень импонировало умение Бергена не сообщать плохие новости. А в последнее время это было очень кстати.

Вот и сегодня Берген доставил очень хорошие и своевременные новости. И поэтому кайзер даже позволял некоторую вольность Бергену, а именно – идти с ним вровень, а не на полшага позади, как полагалось по этикету.

Взмахивая любимым хлыстом, кайзер Вильгельм, стегал им безвинные статуи.

- Это – отличная новость, мой друг. Революция в России должна ослабить желание русских оказывать глупое сопротивление великой Германии.

Берген учтиво поклонился. Он не посмел признаться кайзеру, что эта новость потрясла его не меньше, но до встречи с любимым кайзером он успел овладеть собой и теперь сохранял бесстрастность, как и подобает влиятельному советнику при мудром сюзерене.

- Вы, правы, как всегда, мой кайзер.

Следующая минута прошла в молчании. Посчитав, что паузы достаточно, Берген как можно небрежнее, чтобы кайзер уловил интонацию, а не смысл, произнес:

- Но боюсь огорчить вас. По некоторым данным, в России формируется ...э.. временное правительство.

- Вот как? – отозвался кайзер, делая вид, что ничуть не удивлен этому.

- В этом правительстве далеко не все разделяют ваши, мой кайзер, мирные намерения.

- Вот как? – снова повторил кайзер и позволил себе нахмуриться. - Берген, вы меня уверяли, что восточный колосс стремительно гниет. Вы помните, я благосклонно внимал вашим словам о еврейских банкирах, угробивших финансовую политику России, об этом проходимце Распутине – бедная моя родственница, я думал она умнее. Царь Николай больше не у власти. Так?

Он сказал последнее слово с таким нажимом, что даже если бы это было и не так, все равно пришлось бы согласиться.

- Да, – ответил Берген.

Это надо было усвоить. Не каждый день в Европе, даже на ее окраинах отрекаются от трона. А к своим венценосным коллегам кайзер питал уважение, какое вряд ли когда испытывал к народам, которыми те изволили править.

- Но если от дел отходит инициатор вовлечения России в эту священную для великой Германии войну, то – проблема исчезает, - кайзер сказал это раздраженнее.

Берген искоса взглянул на начищенные до блеска сапоги кайзера, потом на бескрайнюю синь неба и произнес:

- Мой кайзер. Не забывайте, что Антанта не позволит России спокойно выйти из войны.

Кайзер остановился. Его лицо приняло скорбное выражение. Он совсем забыл об этой гнусной клике, которая столько попортила крови ему самому и несравнимому ни с кем немецкому народу. Он тоже уставился в синее небо, словно призывая в свидетели Всевышнего:

- О, бедная глупая Россия. Хитрая Антанта любит кровью русских солдат наполнять кубки своих побед.

- Восхитительные слова, мой кайзер, - эхом отозвался Берген.

Кайзеру понравилось сказанное Бергеном. Он считал, что Берген – один из немногих, которым недоступна лесть, и если он что и говорит хорошее для ушей, то это звучит как настоящий факт. А это вдвойне приятной откровенной и пошлой лести. Кайзер величаво улыбнулся:

- Ну, не стоит, Берген. Просто погода располагает к поэзии. Но - к делу. Великая Германия, увы, выдыхается. Мне нужно, чтобы Россия убралась с театра военных действий, а вы мне предрекаете совершенно иное. Неужели у вас нет рычагов воздействия на ситуацию в Петрограде?

- Есть, мой кайзер. Мы тщательно изучаем все и всех, чтобы воспользоваться случившейся революцией. Есть силы, которые выступают за прекращение войны Россией. И этими силами руководит человек, который поклялся, что, придя к власти, он положит конец войне. Мало того, он об этом зудит на всех перекрестках.

- Почему же его еще не повесили в России?

- Потому что он не в России.

- Кто же это? – кайзер двинулся дальше, стараясь припомнить и угадать, кого имеет в виду Берген

- Главарь русских политэмигрантов социал-революционеров Ульянов, ныне сменивший фамилию на Ленин.

Кайзер вспомнил или сделал вид, что вспомнил. Ну, конечно же, некогда ему упоминали эту странную фамилию, правда, он не помнил кто, возможно, что и сам Берген.

- Ульянов. Помнится, вы мне говорили что-то об этом человеке... Где он? Почему же вы его не используете?

- Он - рядом, в Швейцарии... - Берген махнул рукой вдаль.

Аллея кончилась. Возвращаться тем же путем кайзер не любил. Аудиенция слишком затянулась. Не стоит давать повод придворным думать, что кайзер благоволит к Бергену больше, чем к остальным, а потому слишком много отводит ему своего дорогого времени. К тому же кайзер устал. Он откровенно зевнул (и кто мог упрекнуть его за этот милый проступок).

- Не сомневаюсь, что вы, Берген, что-нибудь придумаете, не зря же я вам плачу жалование...

Берген подтянулся, стараясь хоть чуть-чуть походить в этот миг на военного:

- Так точно, мой кайзер. Я выжидаю нужного часа.

Кайзер заметил и оценил его старание. Не стоит Бергену расслабляться, и потому Вильгельм внушительно помахал пальцем:

- Часа, Берген? Речь идет о минутах...

Кайзер круто повернулся, сухо кивнул и звонким шагом пошел к дворцу, его походка напоминала переступь журавля, но упаси Боже даже подумать так. Берген повернулся к пруду и стал наблюдать за ленивыми жирными карпами, темными раздутыми тушами выплывающими с глубин и вытягивающими свои жадные губы в расчете на подачку. Берген усмехнулся и плюнул в пруд. Карпы, оживившись и толкая друг друга, устремились туда, где вода уже расходилась кругами. Прошла минута, чтобы они сознали, что их обманули и никакой подачи нет.

Если, конечно, у рыб есть мозги, чтобы что-то осознавать, подумал Берген, надел цилиндр и стащил наконец, белые перчатки с запотевших ладоней, он не любил эту деталь придворного церемониала, предпочитая серые цвета.

Швейцария. Цюрих. 1917 год. 17 марта. 11.24.

Казалось, что прошел не день не два, а целая вечность, в которой круговерть событий опережает способность их постигать, где одна новость и событие, не успев даже созреть полностью, отпадают с древа Времени, и на смену им приходят новые, которым тоже суждено только-только налить свежестью и кануть в небытие.

Уже утихли восторги по поводу свершившейся революции. Уже вся швейцарская политэмигрантская рать признала гениальное предвидение своего предводителя, и наступило время трезвого анализа обстановки. Но здесь, в этой размеренной европейской глуши поспевать за водоворотом событий было очень непросто. Энергия, вернувшаяся в Ленина, переполняла его через край, и его бесило, что ему с товарищами приходится обсуждать новость, которая буквально через полдня либо опровергается либо изменяется. Никому не признаваясь, Ленин уже ревновал к Троцкому, который оказался в нужное время в нужный час – в Петрограде, и там стал одним из первых вожаков, организовывая Советы. Он гнал от себя мысль о Троцком, но при каждой новой порции газетных новостей с досадой ожидал, что сейчас услышит или прочтет это имя.

На веранде флигеля заваленный газетами стол напоминает спешный переезд библиотеки. Зиновьев, похожий на благообразного кюре с устойчивой репутацией, вместе с Крупской раскладывают их по каким-то ведомым им стопкам. Сидящий рядом Ленин не видит этих трудов, он спешно прочитывает. Даже не прочитывает а глотает прессу, восклицая и гримасничая:

- Нет, вы только посмотрите – Милюков, Гучков, Керенский... - в министрах. Да от них порохом несет. Эти за войну до победного конца будут стоять. Это временное правительство погубит Россию...

Зиновьев. Аккуратно пальцами подгоняя стопку под правильный параллелограмм, примиряюще заметил:

- Владимир Ильич, да пусть их. Главное, с царизмом покончено.

Ленин, как будто ждав этих слов, так и взвился. Примиренчество – да никогда в жизни. И если тут даже такие опытные партийцы, как Зиновьев этого не понимает, то вполне естественно этого могут не понять соратники и в самом Петрограде. А он сидит тут

- Вы не понимаете, - взвизгнул он так, что Зиновьев подпрыгнул и распял аккуратно сложенную пачку газет. -. Это же ре-во-лю-ция. И она перерастет пределы России. А временное правительство – это устаревшая модель государственного устройства, скопированная со старушки Европы. И, по такому же образцу, такое правительство будет не вести революцию, а душить ее.

Зиновьев, сам того не желая, высказал потаенную ленинскую горькую мысль:

- Но мы далеки от России, мы не можем вмешаться в события...

Крупская сердито посмотрела на Зиновьева и покачала головой, ну, нельзя же в самом деле наступать на большую мозоль.

Ленин помрачнел, он остыл, с правотой слов Зиновьева нельзя было не согласиться. Он отбросил газету и встал, оперся ладонью на стол и тоскливо произнес:

- Произошло все так, как я и предрекал. И – злая шутка. Сижу здесь, когда там разворачивается такое...

Крупская подошла к нему:

- Успокойся, Володя...

Вокруг тихо шелестели еще голые, но набухающие почками деревья. Убаюкивающий ласковый ветер приятно гладил разгоряченные щеки и игриво подлезал под раскрытые полосы газет, норовя сбросить их на крашеный пол.

Ленин положил руки на плечи жены, посмотрел на нее, подмигнул, и тут же отскочил в сторону, обошел стол и вдруг стукнул по нему кулаком:

- Работать, работать и работать. Надюша, подготовь срочную телеграмму в Стокгольм – они ближе к Петрограду, чем мы.

- Диктуй, - с готовностью отозвалась та.

Ленин потер пальцами по подбородку, что-то рассчитывая в уме, затем энергично взмахнул головой, точно боднул надоевший ему швейцарский ветерок:

- Стокгольм, адрес ты знаешь. Коллонтай. Как нам вести политическую работу в нынешних условиях. Немедленно начать пропаганду за всемирную революцию. Акцент – власть в руки Советов рабочих депутатов. Временное правительство – это атавизм, как и любое правительство. Новая формы управления государством – Советы!



Зиновьев поднялся и упоенно взглянул на Ленина, так, бывает, умильно смотрят старушки на пастыря, открывшего им глаза на истину:

- Неслыханно! Смело! Гениально!

Ленин, стремительно вдохновившись, заходил по веранде, быстро диктуя:

- Ни за что снова по типу второго Интернационала! Ни за что с Каутским! Нужна непременно более революционная программа... Агитация, агитация и еще раз агитация за международную пролетарскую революцию... И только так!

Зиновьев, воспользовавшись паузой, заметил:

- Э...Э... Извините, Владимир Ильич, именно международный пролетариат и обязан помочь нам... туда... в Россию.

Ленин окинул ближайшего сподвижника в швейцарской эмиграции взглядом врача, осматривающего больного. Он никогда не был в восторге от умственных способностей Зиновьева, и порой про себя называл его остолопом, но признавал в нем проблески ума, особенно если высказанное Зиновьевым, совпадало с его собственными воззрениями и мыслями. И сейчас Зиновьев сказал именно так:

- Вы не оригинальны, батенька, - миролюбиво ответил Ленин. - Я уже продумал этот вопрос. Наши швейцарские друзья – Роберт Гримм и Фриц Платтен должны придти ко мне по этому вопросу ровно, - он посмотрел на часы. - через пятнадцать минут. Надюша, пройдите-ка, прогуляйтесь с Григорием Евсеевичем, заодно и телеграмму отправите. Встретимся – да, да, да – у редакции «Neue Zucher Zeitung» - весь мир теперь – это информация, - он притопнул ногой, будто кто-то опровергал этот довод.

Цюрих. 17 марта 1917 года. 14.00.

Через несколько часов Ленин, Крупская, Зиновьев оказались перед зданием редакции «Neue Zucher Zeitung», где местные журналисты регулярно наклеивали вышедший новый номер своей газеты. Полуденное время было в самом разгаре, прохожих и зевак не наблюдалось.

Ленин внимательно прочел свеженаклеенную полосу на щите. Потом почему-то поглядел на завешенные белыми занавесками окна редакции, словно там могло храниться нечто ненапечатанное. Но окна молчали, и это его угнетало.

Все трое неспешно пошли по улице, сворачивая к озеру.

Ленин мрачно бормотал:

- Милюковы-Керенские объявили реформы – гарантии гражданам России свободу печати и собраний...

Зиновьев подхватил:

- Общую амнистию... формирование отрядов народной милиции... немедленный созыв Учредительного собрания... Это привлечет к ним массы, Владимир Ильич.

Ленин мгновенно впал в раздражение. Последние дни, после того как он узнал о свершившейся февральской революции, у него стали возникать мгновенные вспышки раздражения, совсем не похожие на те, которые были известны Крупской до этого. До получения сообщения о революции он тоже бывал капризен, но тогда эти капризы были ленивы и тягучи, ибо ими руководила апатия и разочарование от бездействия и бессилия, что свойственно многим эмигрантам, порвавшим связь с Родиной. Нынешние вспышки происходили от переполнявшей его эмоциональной силы, от внезапно пробудившейся энергии действия и еще от чего-то, что будто мы внедрилось в его сознание совсем недавно. Ленин даже внешне изменился. Походка стала увереннее, манеры – живее, а с другой стороны он стал безжалостнее и непримиримее ко всем, кто ему хоть в чем-то противоречил, пытался высказать свое мнение. Он просто становился нетерпим к чуждому мнению. И если так и раньше бывало, то теперь просто очевидно бросалось в глаза. Вот и сейчас, он как будто стал отчитывать Зиновьева:

- Это только обещания, как вы не понимаете, я диву даюсь! У них ничего не выйдет. Нет, батенька! Они – политические импотенты... Они... самовлюбленные политиканы! Только мы...

Ленин внезапно замолчал и чуть ли не застонал:

- Ох, все бы отдал, чтобы оказаться в Петрограде.

Зиновьев возбужденно взял его за руку:

- Будем. Будем Владимир Ильич!

- Нельзя медлить... Наше промедление на руку капиталистам Временного правительства.

По озеру гуляла мелкая рябь. Гребешки волн искрились на солнце алмазными ожерельями, словно некий волшебник-ювелир засеял озеро драгоценностями. От озера ощутимо веяло прохладой, как бы намекая – весна только началась, и все еще вокруг весьма обманчиво.

Крупская поежилась, ей вдруг стало зябко. Осторожно, почти шепотом она спросила:

- А как прошла встреча со швейцарскими друзьями?

Ленин отмахнулся:

- Они тугодумны, удивительно, но факт - швейцарская сытость отучает думать быстро.

- Но должны же быть какие-то пути...

Ленин опять внезапно впал в некое нервно-возбужденное состояние, что тоже стало приметой последних дней. Казалось, он весь внутри, шурует огромной лопатой сознания, перемешивая свои мысли и выискивая самую нужную и полезную. А окружающие для него – нечто вроде детонатора, подсказывают или дают направление его броуновскому движению мозга, и если контакты сходятся, то возникает решение, или, на худой конец, гипотеза.

Вот и теперь Ленина словно бы осенило:

- Да, конечно! Ну что же медлить. Ведь все великое – просто. Надо взять паспорт у кого-нибудь из наших социал-демократов, кто живет в

нейтральной стране, а потом через Германию – в Швецию, оттуда – в Россию...

Зиновьев подумал и согласно кивнул:

- А что – здравая идея.

Ленин. Воодушевившись, развивал тему:

- Самый надежный паспорт – шведский. Надо дать знать Ганецкому в Стокгольм – знает ли он, как лучше проехать в Швецию нелегально через Германию. Заодно – пусть обеспечит мне шведский паспорт.

Крупская влюблено смотрела на мужа. До чего же он трогателен в таком виде. Она усмехнулась, заранее предчувствуя его настроение:

- Ты представь, что случится-то, Володя. Будешь спать, увидишь во сне меньшевика и заругаешься – сволочи! И все – твоя шведская конспирация и раскроется...

Зиновьев тоже приободрился:

- Что-нибудь придумаем. Кстати, завтра годовщина Парижской коммуны. В деревушке Шо-де-фон вас ждут, Владимир Ильич.

Ленин заметно повеселел.

- Непременно буду. И речь уже написал. Это – святая вещь. В этой деревушке от полиции скрывался сам Нечаев!

Крупская и Зиновьев чуть склонили головы, как бы отдавая должное этому пламенному революционеру прошлого, перед которым Владимир Ульянов-Ленин благоговел. Он был покорен и судьбой Нечаева, и его взглядами, выраженными в «Катехизисе революционера». Мертвенный холодный ужас написанных в этом катехизисе строк, строк, пронизанных палящей, подавляющей ненавистью, строк, перед которыми меркли фанатизм Савонаролы, цинизм Макиавелли и жестокость Робеспьера, - опьяняли Ленина. Никто, даже Маркс и Энгельс, чьи взгляды он приспособил для собственных доктрин не оказали такого мощного воздействия на духовно-идейное развитие Ленина, как этот тщедушный человечек (кстати, убивший своего товарища только за то, что тот выступил против «философии» Нечаева), убежденный маньяк коренного преобразования России путем кровавого посева террора, дисциплины и неукоснительной преданности и революционеров своему делу и абсолютной безжалостности к врагам и колеблющимся. Ленин преклонялся перед простотой нечаевских идей и средств их достижения...

- А твой любимец – Абрамович – еще там? -= спросила Крупская, зная что там и что Ленину будет приятно встретиться с молодым эмигрантом-евреем, безоговорочно поддерживавшим Ленина во всех его действиях.

Ленин прищурился, предвкушая завтрашнюю встречу в деревушке Шо-де-фон

- Да. Свижусь и с ним. Абрамович – это наше будущее. Таких большевиков должна рожать российская земля, тогда всемирная революция – не за горами.

Он галантно взял жену под руку и повел уверенно и легко.

Ночь того дня была похожа и не похожа на привычные швейцарские эмигрантские ночи. Надежда Константиновна привыкла к беспокойным снам мужа. Она помнила каким он вернулся из Лондона – белым как снег, и его отхаживали молоком и сытными булочками, и по ночам его трясло, воротило – он спорил, будто не мог еще оторваться от закончившихся дискуссий съезда. Помнила как он мог плакать во сне, взывая к Родине. Но теперь его сны напоминали фата-морганы, после которых, нежданно просыпаясь, он еще подолгу отходил от желаемых видений и огорчался, что это была иллюзия.

Так и сейчас - Ленин спит. Во сне беспокоен. Крупская взволнованно гладит его по голове, пытаюсь передать ему свой покой, но Ленин внезапно просыпается, вскакивает.

На его красивом чуть выпуклом лбу капелька пота.

- Где? Как?

Он шарит рукой по постели. И уныло бормочет:

- Неужели – только сон? Надюша – что мне снилось! Я сажусь в аэроплан, лечу над фронтами и границами – и вот уже в Петрограде. Надюша, а возможно ли найти аэроплан? Дотянет он... туда... к нам?

Крупская снова гладит его как ребенка и чуть ли не колыбельным мотивом нараспев произносит:

- Спи, Володя, тебе рано вставать ехать в Шо-де-фон. Нет у нас аэропланов...

Швеция. Стокгольм. 1917 год. 19 марта. 11.10.

Центральный почтамт.

В Швецию весна еще не добралась. Дул холодный пронзительный ветер, швыряя в прохожих соленые брызги недалекого моря, заставляя их кутаться в плащи и укрываться зонтиками.

Но на центральном почтамте ни холода, ни ветра не ощущалось, здесь было даже уютно, особенно, после улицы.

Стряхнув с плаща морось, к почтовому окошку подошел элегантно одетый человек. Это был товарищ Ганецкий – многие большевики, демонстрируя равенство и братство, нарочито отказывались от имен в общении между собой, предпочитая емкое и звучное слово - товарищ. Ганецкий не был исключением. Хотя манерами очень походил на заносчивого господина. Он, член РСДРП, жил в либеральной Швеции легально, ибо либеральная Швеция, далекая от политических распрей и военных катаклизмов, охотно давала приют и русским революционерам, и прочему сброду со всего мира.

Ганецкий мило улыбнулся и спросил:

– Есть ли что на мое имя?

Он протянул паспорт. Одним из обязательных условий его партийной работы было ежедневное посещение центрального почтамта и получение инструкций, депеш, обеспечение связи между российскими и зарубежными

адресатами. Стокгольм, как пересылочная база, подходил для этих целей едва ли не идеально.

Почтовая служащая передает ему конверт.

Ганецкий отошел в сторону, сел за стол, неспешно разорвал конверт, оттуда выпали две фотографии.

Ганецкий поднял их, и с нескрываемым удивлением стал рассматривать. Затем пожал плечами, отложил в сторону, и стал внимательно читать. Он сразу узнал бисерный неровный почерк.

«Легальный выезд невозможен. Ждать больше не могу, промедление подобно смерти. Мы с Зиновьевым должны быть в России во что бы то ни стало. Вам предписывается организовать проезд в Швецию. Учтите, что шведского языка мы оба не знаем, поэтому лучшим вариантом будет. Если вы достанете паспорта на глухонемых. Прилагаю наши фотокарточки для паспортов. Не стоит напоминать, что данному делу необходима абсолютная секретность. Ваш В. Ульянов»

Ганецкий снова взял фотографии и задумался. Длительная жизнь в Стокгольме имела свои плюсы и минусы. К плюсам относилось то, что Ганецкий привык к спокойной сытой размеренной европейской жизни и отождествлял себя именно с ней. К минусам относилась та нервозность и определенный риск, которые требовались при выполнении поручений РСДРП.

Он хорошо выполнял обязанности связного и рассыльного, не представлял себя в организации полукриминальных конспиративных мероприятий.

Задуманное Лениным требовало значительных усилий, и при этом не сулило позитивного результата. Ганецкий знал – Ленин не простит провал любой его затеи, но вознесет на облака, если будет успех. Вот в успехе Ганецкий сомневался, ибо уяснил – каково это будет – Ленин и Зиновьев, совсем не похожие на шведов, будут изображать себя в немецких поездах глухонемыми. Да их расшифруют раньше, чем они доедут до Берлина. Похоже, Ильич, нервничает в своем Цюрихе. Это все несерьезно. А посему лучше будет не понять что от него хотели и сделать по-своему.

Он встал и вышел на улицу. На глаза ему попала яркая вывеска. Ганецкий внимательно ее рассмотрел – редакция газеты «Politiken».

Он так и не понял – почему так решил. Даже куда позже, когда Ленин сам его спросит об этом. Но – тем не менее. Ганецкий так же аккуратно стряхнул с себя дождевые и морские брызги, и решительно поднялся по редакционным ступенькам

Швейцария. Женева. 1917 год 19 марта. 11.20.

Здание русской женеvской библиотеки.

Совсем иные мысли обуревали еще одного старого члена РСДРП, который явно сроднился со швейцарским ландшафтом.

Сидя за директорским столом русской женевской библиотеки, степенный среднего возраста человек, - товарищ Карпинский, интеллигент и педант. - просматривал книги, когда постучали в дверь.

Он оторвался от книг и доброжелательно махнул курьеру, чтобы подошел к нему.

- Господину директору библиотеки Карпинскому... - курьер вытащил из сумки конверт и протянул ему.

Карпинский поблагодарил, расписался в книжке посыльных, дал курьеру на чай и удобно пристроился в кресле.

Он тоже мгновенно узнал такой же нервный маленький почерк с налезавшими друг на дружку буквами.

«Я всячески обдумываю способ поездки. Есть абсолютно секретный план. Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду по ним через Англию и Голландию в Россию. Знайте, я могу надеть парик. Фотография будет снята с меня уже в парике, и в консульство в Берне я явлюсь с вашими бумагами уже в парике. Что касается Вас - Вы должны скрыться из Женевы на несколько недель, запрятаться архисерьезно в горах, где за пансион мы, разумеется, заплатим... пока я не дам вам телеграмму. Ваш Ленин».

Карпинский растерянно поднялся из-за стола и задумался. Возле его библиотеки не было никаких редакционных вывесок, да такие мысли никогда бы и не пришли ему в голову.

Карпинский же думал о том, не заболел ли дорогой Владимир Ильич...

Ни он, ни Ганецкий не представляли себе состояние Ленина. Шли дни, а ничего, ну совершенно ничего не было ясно – как, каким путем Ленин должен был выбираться из Европы в бурную Россию. Они допускали важность такого скорого перемещения, но им не доставало ленинской одержимости, его понятного нетерпения скорее окунуться в горнило схватки. Они – отвыкшие от битв и сражений, и он – жаждущий их.

И фантазии Ленина они сочувственно принимали как следствие перенапряжения Ленина, а не как маниакальность его желания – во что бы то ни стало оказаться в России.

Ленину чудилось, что каждый лишний день здесь отдаляет его не только от российских событий и их понимания, но и отодвигает его на второй план. Его – вождя! Его – революционную мессию. Вынести такое он не мог. Потому и торопил, и шевелил всех. И при этом уже сознавал, что надеяться на проверенных товарищей было бесполезным. Они понемногу заплывали жирком беспечного благополучия, оваянного романтикой революционной борьбы и уже не так жаждали становиться под боевые знамена – ах как прав был Нечаев! Да, они не стремились стать вождями. И не надо! Нужен только один вождь, и если ему суждено стать им, то это должно случиться только в России. Иначе – прозябание и участие в мизансценах. Новые главные герои, даже если они будут мельче, тусклее, - не заставят себя ждать. Ленин знал историю – явлению пророка или мессии всегда предшествовало появление

теней, и бывало эти тени реалии все, обрекая пророка на безвестные страдания и забвение...

Швейцария. Цюрих. 1917 год. 21 марта. 13.16.

На веранде флигеля Ленин провожал Зиновьева и напутствовал его. Вернувшись с деревушки Шо-де-фон он какое-то время выглядел окрыленным. Местным жителям пришлось по душе малопонятная, но любопытная и искренняя речь Ленина. Мало кто помнил жившего там Нечаева, но уважали русских за память о своих земляках. Но впечатления от поездки быстро сгладились, им на смену пришли все те же неотступные тяжкие мысли.

Крупская молча убирала со стола.

- Эта встреча русских политэмигрантов в Женеве – пустая говорильня. Они тоже рвутся в Россию. Они нам не попутчики, - Ленин перевел дух, и едва ли не просительно добавил. - Но вдруг, хотя едва ли с их сушеными мозгами, услышишь что-то свежее и полезное. Запомни, после обсудим. Главное, заскочи к Карпинскому и сообщи – жду от него весточки с не-тер-пе-ни-ем.

Зиновьев молча кивнул. Но Ленину этого было мало. Он взял Зиновьева за пиджак.

- Все сделаю, как надо, не сомневайтесь, Владимир Ильич.

Они не сразу заметили, как открылась калитка, и во дворике появился смуглый грузин, весьма колоритный – выше среднего роста, внушительный усами, черными глазами и мускулистой грудью, и к тому же возбужденный Миха Цхакая, большевик-эмигрант со стажем.

У него в руках была газета.

Он почтительно поздоровался, но тут же, не в силах сдержать эмоций, протянул газету Ленину. От избытка чувств Цхакая даже по-грузински не мог говорить. С трудом, но взяв себя в руки, он объяснил:

- Вот, срочно доставили мне. Смотрите.

Ленин удивленно посмотрел на газету, затем на Мihu, затем на Зиновьева:

- Шведская «Политикен». И что тут?

Цхакая молча развернул страницу. На второй полосе внизу под какой-то маленькой заметкой красовалось фото Ленина и крупными буквами подпись под этим фото – Ленин, вождь русской революции.

Ленин больше не сдерживался. Нервный хохот раздался на весь дворик:

- Нет, я больше не могу так! И это – Ганецкий? И это – абсолютная секретность? С кем мне делать революцию? Да что же это такое, товарищи...

Цхакая мрачно предложил:

- Товарищ Владимир Ильич, прикажи, я поеду и убью его, как врага, как гадину.

Ленин перестал смеяться. Он снова взглянул на газету. Все-таки иностранцы считают его вождем. Это, впрочем, дорогого стоит. Открыто

признают. А, может быть, специально сделал это Ганецкий, хотя ему предписывалось иное.

И через озлобление и ярость откуда-то изнутри стало вырастать чувство уверенности и покоя. Его самолюбие, нередко уязвленное за эти годы, было удовлетворено этой фотографией и этим портретом в шведской газете. Он, а не Троцкий, он – а не Керенский, он, а не Плеханов, он, он, он - назван вождем русской революции.

Значит, это правда!

Его. Именно его революционное мессианство отмечено и замечено. Он почувствовал прилив сил и уверенности -

Пророк должен возвращаться в свое Отечество...

## Часть 2

Берлин. 22. марта 1917 года. 10. 13.

Вильгельмштрассе.

Резиденция Министерства иностранных дел Германии.

Кабинет Бергена совсем не напоминал аналогичное помещение его высшего начальника. Берген любил уют и роскошь, и если какая-нибудь сволочь тыкала ему этим, он сухо парировал – МИД, где он изволит служить, это витрина германской империи и любой чертов иностранец, входя сюда, должен оценить богатство и величие не кабинета Бергена, а Германии. Или коллега считает, что напоказ должна выставляться нищета, как символ Фатерлянда? Коллега прикусывал язык и норовил прочь.

Берген стоял у окна, спиной к своему сотруднику Шмидту, широко расставив ноги и держа руки в карманах.

- Значит, русские хотят вернуться домой чрез Францию, Англию и Швецию. Недурно, хотя очень хлопотно. Но нас это не устраивает. Какая в Цюрихе обстановка в их лагере?

Шмидт поправил набриолиненную прическу а ля-кайзер и заглянул в папку:

- Источник доложил, что все русские до сих пор в эйфории и нетерпении, буквально бредят возвращением. Почта Цюриха перенасыщена различными телеграммами русских. Копии у вас на столе.

Берген кивнул:

- Спасибо, я читал. Удалось прощупать настроение Ленина?

- Очень осторожен. Никого не хочет слушать о возвращении через Германию. Бойся обвинений в шпионаже.

Берген отошел от окна, прошелся по мягкому ковру, остановился против Шмидта и в упор посмотрел на него:

- Придется ему согласиться. Иначе они из Цюриха могут доехать только до Женевского озера. Надо внушить им мысль, что только мы им можем помочь, в смысле германский, как его - пролетариат...Готовьте срочную шифrogramму нашему представительству в Берн.



- Слушаюсь!

Шмидт поклонился и осторожно вышел из кабинета.

Берген медленно подошел к горящему камину, поворошил тлеющие головни, потянулся и почмокал губами. Никуда эти русские и шагу не ступят, без его на то соизволения, как бы они там о себе не думали.

Искушенный в политике и особенно в потайных ее подвалах, Берген славился искусством разгребать залежи политических авгиевых конюшен, при этом совершенно не замечая при этом распространявшейся от сего дела вони.

Женева. 22 марта 1917 года. 15.25.

Женевская обычная квартира в центре города принимала гостей. Гости мало ходили на степенных спокойных аборигенов, о чем сразу же дали понять. Было уже накурено и шумно.

Исходя из последних российских событий, в конце концов, назрело разумеющееся собрание политэмигрантов, на котором речь должна была идти не столько от обсуждения отношения эмигрантской диаспоры к свершившемуся факту революции, сколько к насущному вопросу – переезда в Россию.

Среди известных персонажей политэмиграции среди присутствующих можно было заметить меньшевика Мартова, большевиков Карпинского и Зиновьева. Последний, получивший личные указания Ильича, вел себя особняком, снисходительно прислушиваясь к нервным дебатам и стенаниям, не вмешиваясь в них.

- Я готов хоть на коленях ползти на Русь-матушку, я уже задыхаюсь здесь, - кричал надрывно некий холерик в расстегнутой толстовке, гася папиросу в пепельнице.

- Господа, без истерик. Всем уже обрыдло ничегонеделание в тот час, когда наши братья ломают хребет царизму, - вторил ему брюзжащий бородач в двубортном шерстяном костюме.

Зиновьев поморщился. Ну, стоило ли приезжать сюда, терять время, если пока ничего путного – обычная болтовня о том, что надо ехать в Россию. Так это и идиоту понятно, что надо. Что пережевывать? Конкретнее, конкретнее, господа, то есть, - товарищи. Ваши предложения послушаем, ради этого и торчу в этой берлоге, - думал Зиновьев, начиная злиться.

- А если рассмотреть план возвращения через юг – добраться до Балкан, оттуда через Константинополь в Одессу, все, господа – мы дома!

Зиновьев даже оторопел. Ничего себе предложил. Ему даже захотелось посмотреть на этого человека, все ли у него в порядке, но его остановили вопросом:

- А что предложат большевики?

Зиновьев почесал затылок и совершенно невразумительно, прокашляв, промычал:

- М-м-м, мы тоже думаем...

- Понятно, вы как всегда – за чужой счет, - весьма нелестно отозвались по поводу его мычания.

Мартов, несмотря на появившуюся седину на висках, но все еще достаточно моложавый симпатичный мужчина, до этого тоже по большей части внимавший разговору, блеснул умными глазами:

- Да перестаньте лаяться! Час судим, и ничего путного. Предлагаю свой вариант – обратимся напрямую и честно к германскому правительству - просим разрешить проезд русских политэмигрантов по территории Германии в обмен на такое же разрешение проезда по России интернированных немцев в равных долях.

Зиновьев про себя тихо рассмеялся. Если уж и Мартова понесло на глупости, то очевидно – тут больше делать нечего.

Между тем идею Мартова живо стали обсуждать.

- И на чем поедем – на телегах?

Мартов пожал плечами и спокойно ответил:

- Почему на телегах? Обычно – поездом...

- Отклоняю... - покрыл все чей-то зычный голос. – Вы что совсем рехнулись, через немцев – ха-ха!

Зиновьев решил высказать и свое отношение к мартовскому предложению:

- Ну, это полный бред – просить немцев.

На лице Мартова ничего не дрогнуло, он снова пожал плечами, по своему обыкновению интеллигентно не собираясь противоречить мнению большинства, даже если это большинство состояло из двух активных голосов – против – и молчания остальных:

- Ну, ладно. Отклонено. Следующие предложения...

Швейцария. Цюрих. 1917 год. 24 марта. 17.30.

На берегу озера уже было людно. Погода, правда, чуть испортилась, но все равно весна смело отбирала свое владычество у зимы. Слышался кое-где беззаботный смех. И этот смех заставлял темнеть лицом Ленина, который неспешно прогуливался вместе с очаровательной Инессой Арманд, излучавшей своими темно-карими глазами обаяние женщины и страсть авантюристки.

Заметив изменившееся выражение лица Ленина, Инесса наклонилась к нему и ободряюще заметила:

- Володя, ты весь испереживался. Нельзя же так. Вон, посмотри, весь осунулся.

- Не могу быть спокойным, - кисло ответил он. -. Началась революция, которую я предвидел. И она разгорается. А я тут, бессильный. И эта революция – не моя победа. Не могу простить себе.

Арманд положила свою изящную руку ему на плечо:

- Ты будешь там.

Ленин неожиданно вздрогнул – то ли от ее прикосновения, то ли от ее слов:

- Как? Когда? – он притопнул ногой. - Меня бесит собственная беспомощность. Я уже начинаю маниакально бредить. Мыслями я уже в Петрограде – стихия, пролетариат... Они ждут меня...

Арманд вздохнула:

- Мы стали меньше видаться, Володя.

Ленин покорно кивнул:

- Да, Инесса. Это все эта проклятая ситуация. Мне противно бездействие, мое сердце в России.

Арманд сняла руку с его плеча и медленно пошла вперед, но вдруг повернулась к нему:

- Ты, я слышала, собираешься в Россию вдвоем с Зиновьевым. Володя... ты возьмешь меня с собой?

Ленин, прищурясь, взглянул на нее. Помолчал, словно обдумывая каждое слово своего ответа:

- Милая Инесса, ты обязательно будешь со мной, но позже. Мне будет одиноко там... без тебя.

На щеки Арманд лег румянец:

- Спасибо. Тебя так облагораживает твоя преданность революции. Наверное, оттого я так безнадежно увлечена тобой.

Ленин рассмеялся:

- А меня увлекла твоя увлеченность нашей революционной борьбой. Ты – мой самый преданный товарищ, Инесса.

Они взяли за руки, подошли к самому берегу и молча стали смотреть на воды озера. Никаких слов более не требовалось. Оба и так понимали друг друга с полуслова, тем более, что долгие годы скитаний, борьбы, конспирации приучили этому. И вообще они очень редко говорили о личном, скорее всего, чувствуя что-то душой, и это что-то, находясь в душах, не очень нуждалось в словесном подтверждении. Это что-то уже и так спаяло их надолго, если не навсегда.

Они не заметили, как сзади появилась Надежда Крупская. Она тихо подошла к ним.

Надежда ничего не имела против встреч своего мужа с красавицей Инессой. Она даже не ревновала к красоте и уму Инессы, она была выше всяких предрассудков. Положив свою судьбу на алтарь борьбы за революционные взгляды мужа, доверившись ему и став его, скорее всего, соратником, чем любимой женой, она превыше всего ценила благополучие, душевный покой Владимира, и как могла старалась, чтобы он был полон сил, энергии и веры в себя и в то, что он задумал. И на этом пути любой человек, который также способствовал этому – становился ее союзником, вне зависимости, мужчина это или женщина. Казалось, даже если бы она застала Владимира и Инессу целующимися, то и этот поступок поняла и оправдала тем, что если это нужно Володе ради него самого, то пусть так и будет.

Впрочем, трудно было заподозрить такой поступок.

Крупская улыбнулась:

- Володя, насилу разыскала вас. Здравствуй, Инесса.

- Здравствуй, Надя, - тоже улыбнулась Инесса, правда, это выглядело чуть смущенно.

- Мы тут, Надюш, обсуждаем наши прожекты, - сказал Ленин.

Крупская протянула ему письмо:

- Тебе срочное письмо из Женевы от Карпинского.

Ленин быстро схватил конверт, жадно прочел. Затем опять затопал ножкой стал залиvisto хохотать.

- Нет, это же умора. Мартов – ха-ха, вступить в переговоры с немцами... Кто и на каких полномочиях. Поездом через Германию... Нет, у них в самом деле ссохлись мозги! Мне Зиновьев об этом ничего не рассказывал. А – каково?

- Посчитал за глупость, потому и не стал, - заметила Инесса. Крупская согласно кивнула.

Ленин восхитился:

- Архиглупость! Хотя... хотя.

Внезапно он замолчал, посерьезнел и задумался.

- Если привлечь беспартийных русских и патриотов, пусть там обратятся через швейцарских адвокатов, министров в германское консульство в Базеле, пусть начнут ворошить ветки... - он прищурился, и хитро взглянул на женщин. - А? Как вы считаете? Если логика в важном деле становится бессмысленной, то ей на смену может придти идиотская, свинская, глупая мыслишка, но она и окажется – верной.

Крупская охнула:

- Володя, да это же дурно пахнет. В России нас сразу объявят предателями Родины, как только станет известно о наших контактах.

Ленин удивленно захлопал ресницами. Как это она не понимает простоты этого вопроса. Его острый ум уже мгновенно просчитал всю ситуацию:

- Причем здесь мы? Мы ни прямо, ни косвенно участвовать в этом не будем. Наше участие испортит все – и нас тоже. Но план сам по себе очень хорош, очень верен. Ай да Мартов. Любопытно, сам придумал или надумил (кто) Впрочем, это уже не важно. – Лениным овладела жажда деятельности, часто возникавшая в его импульсивном характере вроде бы ниоткуда, но в действительности уже подготовленная предшествующим и быстрым анализом полученной информации и только ожидавшая подходящего случая, чтобы проявиться.

Он даже руки стал потирать от нетерпения:

- Надо срочно сообщить Карпинскому – план Мартова хорош, надо за него хлопотать...

Крупская не могла спорить с мужем, она не раз становилась свидетелем, что его острый хваткий разум куда оперативнее отзывался на многие вещи, и лишь спустя время, она сама догадывалась – что же имел ввиду и какие резоны при этом ставил Володя, и оказывался прав.

-: Может сообщить об этом твоим швейцарским товарищам?

Ленин на этот раз внял ей:

- Этот мерзкий центрист Роберт Гримм, пожалуй, что может сгодиться. Я его сведу с Карпинским...

Арманд, между тем, была настроена не так оптимистично. Она тоже в силу своего цепкого ума схватила все преимущества и недостатки плана Мартова, и все ей виделось далеко не в радужном свете:

- Это предельно рискованно. Нас либо немцы арестуют в Германии, либо свои распнут в России, если немцы пропустят через свою страну.

Ленин успокаивающе прижмурился в ее сторону и отрицательно завертел головой:

-Это предельно гениально, если подойти с умом. Если немцы откажут – это не наш план. Если не откажут – не мы инициаторы, мы – невольные попутчики... Нет, Инесса – это политика, здесь нет морали – это гадко и мерзко. Но ради блага революции я готов пойти на все. Я должен быть в России. Это – моя революция.

Его лицо дышало непреклонной одухотворенностью, такой, что и Крупская и Арманд поневоле залюбовались им. Казалось, он явился из неведомого мира, знающий, что предначертано в этом и зовущий их с собой по этому предначертанию, и им стало ясно – он принял решение и не отступится от него. Время шараханий, терзающих неопределенностей прошло – Владимир вступил на тропу действий.

Берлин. Вильгельмштрассе. 22. марта 1917 года. 10. 13.

Кабинет кайзера.

А за два дня до этого у себя в кабинете кайзер снова принимал Диего Бергена.

Аудиенция была посвящена сугубо русскому вопросу. Берген сумел уломать патрона на обсуждение своего проекта с теми, кому кайзер доверял как себе и к мнению кого прислушивался. Берген был убежден, что ему, Бергену, дадут добро – Германия сейчас не та, что в 1914 году, это тогда, пребывая в самоуверенном апломбе эти люди вместе с кайзером засмеяли бы его – великая Германия не снизойдет до такого. Но времена изменились – война высосала и самоуверенность, и апломб. И ресурсы. Нужно было думать практично и заботиться об интересах нации и страны, ибо вопрос стоял теперь не о победе, а о выживании.

Кайзер на этот раз не стал утомлять верного представителя Министерства иностранных дел нудными предисловиями:

- На совещании узкого круга доверенных лиц мы обсудили информацию нашего посольства в Берне. Мнение «за» предложение русских – большинство эмигрантов имеют определенное влияние в России, и все они желают прекращения войны. Чем быстрее мы выплеснем эти помои в костер неостывших военных настроений, тем будет лучше для Германии.

Берген убежденно кивнул:

- Абсолютно согласен, мой кайзер. В русской армии сильные пораженческие настроения, нежелание воевать. Эмигранты овеяны неким ореолом изгнанников царского режима, к ним будут прислушиваться. Уверен, они способны, сами не ведая того, сыграть на руку нашим планам.

Кайзер не считал нужным как-то отвлекаться на реплику Бергена и монотонно продолжал:

- Мнения «против» - эти русские эмигранты при проезде через наши земли будут сеять революционную заразу среди моих сограждан, которые и так в последнее время забывают о дисциплине и о своем долге перед Фатерляндом и кайзером. Эта банда смутьянов, в головах которых, согласно вашим же докладам, Берген, бредовые идеи о мировой революции, могут начать агитировать за нее здесь. И это – не входит в мои планы.

- А каково ваше личное мнение? – поинтересовался Берген, ощущая как противный липкий холодок заполоскал между лопаток.

Кайзер пожевал губами:

- Я не хочу иметь у своих границ и на своих землях русских революционеров с их разлагающими бреднями, и не хочу продолжения войны на два фронта. Мое мнение зависит от того, что вы можете мне гарантировать, Берген.

Берген просиял. Именно этих слов он и ждал от кайзера, теперь ему дадут развязать руки:

- Мой план готов, и он должен удовлетворить вас, мой кайзер, и этих русских...

Кайзер с опаскою взглянул в сторону воспарившего Бергена. Нет, уж, ему нет никакой охоты влезать во все это дерьмо, а тем более, слушать сейчас скучные подробности плана Бергена, который этот стервец уже наверняка держит за пазухой. Он торопливо, пожалуй, даже слишком торопливо остановил прыть Бергена:

- Хорошо, хорошо. Обсудим его... позже, я устал.

Берген поскущел:

- Дело не терпит отложения.

Кайзер вздохнул про себя. Этот Берген бывает порой очень несносен. У него не хватает такта, нет – ну, конечно же воспитания и сообразительности, что не стоит докучать царственным особам. Впрочем, откуда этому быть в Бергене, он же не аристократ. И кайзер, осененный этой мыслью, даже посочувствовал про себя Бергену за то, что он мужлан, и примирительно сказал:

- Ну, ладно. Действуйте, Берген. Мне нравится ваш план, - Кайзер поднялся и со значением поднял указательный палец. - Но вы понимаете, что если произойдет хоть какой сбой, он мне перестанет нравиться тотчас, и вы Берген – тоже.

Берген отчеканил:

- Это будет моей лучшей операцией! Мы закинем в Петроград бомбу в виде русских эмигрантов-революционеров.

Берген вылетел из кабинета кайзера окрыленный. Даже его тучнеющая фигура приобрела некую стройность. От стены отделилась тень – это был его адъютант – и застыла, намекая, что она здесь и готова повиноваться. Берген помахал пальцем. Адъютант стремительно подбежал.

- Как только я войду в свой кабинет, там уже должен меня ждать Георг Шкларц. Я усомнюсь в ваших способностях, если его там не окажется, - сказал Берген и не оглядываясь, пошел прочь.

Адъютант щелкнул каблуками и отрапортовал Бергену в широкую спину:

- Он будет там.

Швейцария. Берн. 26 марта 1017 года. 8.10.

Немецкое посольство в Швейцарии.

Швейцарская покойная жизнь развращала не только русских политэмигрантов, но и славных немецких дипломатов. Поэтому, когда солнечным утром в здание посольства вошел Георг Шкларц, сопровождаемый всего лишь клерком посольства, то это Шкларцу очень даже не понравилось. Клерк семенил позади ладной фигуры Шкларца, от которого на метры несло резвостью коня и берлинскими суррогатными сосисками.

- Господин посол...ээ... просил известить, что он опаздывает... вчерашний вечер был очень напряженным.

Шкларц раздраженно повернулся к клерку, смерил его таким взглядом, будто увидел перед собой неизвестную букашку и процедил как можно доходчивее:

- Если я его не увижу, пока перекурю сигару, то для него начнутся напряженные дни.

Курьер побелел лицом:

- Извините, - и опрометью исчез в лабиринтах посольства.

Шкларц развязно сел на дорогое кресло, именно – на кресло, а не в кресло, бесцеремонно закурил сигару, спичку демонстративно бросил не в пепельницу, а на пол. Туда же стал стряхивать пепел. Лениво он окинул гостиную посольства и подумал, что надо бы как-то намекнуть Бергену, что здесь пора менять обои или посла.

Из глубины коридора появился посол, протирая на ходу глаза. Увидев всю эту демонстративность Шкларца, он сначала оцепенел и потерял дар речи, точно увидел в гостинной крокодила, и тут же заорал на невозмутимо слушающего его невежу.

- Черт возьми, это что за свинство?

Шкларц, не мигая, поднялся навстречу послу и тихо, но с оттенками угрозы, внятно произнес:

- Свинство? То, что я делаю, это изложение мнения моего руководства о вас.

Посол подумал, что ослышался. Но взглянув на немигающий холодный взор Шкларца почувствовал неладное и подался вперед:

- Что?

- Почему вы прекратили все контакты с русскими? Кто уполномочил вас свернуть эти контакты, пока Берлин еще ничего не решил? – ледяным тоном огорошил его Шкларц.

Посол ни с того ни с сего стал заикаться. Как-то он, будучи в Берлине, в резиденции МИДа, мельком видел этого человека, который молча выслушивал одного из самых страшных, по мнению посла, чиновников МИДа – Диего Бергена, функции которого никто не знал, но все знали, что полномочия его огромны. И лучше переходить дорогу ему не надо, себе дороже.

- Я думал... они же предлагали idiotские идеи. Я просто информировал...

Шкларц скривился:

- Вы, посол, настоящий болван. Молчать! С этой минуты ваша главная задача оказать мне любую поддержку, которая мне понадобится. Мои полномочия подтверждены господином Бергеном – вот письмо.

Посол верноподданно, даже трепетно взял протянутое письмо и бегло прочел.

- Вопросы? – осведомился Шкларц. - Хорошо, что их нет. И будет еще лучше, если они не появятся и у меня. Теперь все ясно?

- Мы сделаем все, что в наших силах... Что вам нужно?

Шкларц критически оглядел посла. Положительно, в этом сарае надо менять обои и посла.

- Мне нужна встреча с Лениным.

Посол засопел:

- Ленин... Ленин... - он никак не мог припомнить, что это за фамилия, но смог уяснить, что она – славянская, на этом его познания закончились. Посол почувствовал себя мальчишкой.

Шкларц милостиво просветил:

- Он в Цюрихе. Немедленно дайте туда знать вашему консульству о моей просьбе. Я выезжаю туда тотчас. До свидания, господин посол.

Шкларц с силой вмял сигару в пепельницу. Сухо кивнул и легким быстрым шагом вышел прочь. Посол растерянно посмотрел в пепельницу – оттуда шел слабый и вонючий дымок.

Швейцария. Цюрих. 27 марта 1917 года. 9.00.

Лесной массив, начинавшийся буквально сразу за восточной окраиной Цюриха выглядел живописно даже в пору цветения. Здесь было прохладно, сыrovато и тихо, но уже всюду щебетали птицы, потревоженные ранними гостями.

По лесной тропке прогуливались двое – Ленин и Шкларц. Первый по ходу отламывал молодые побеги веток деревьев, ломал их и клонил на бок



лобастую голову. Второй настороженно смотрел на брошенные на землю сломанные побеги и отмечал про себя недурное знание немецкого языка визави.

- Я согласился на встречу с вами, лишь уступая уговорам своих друзей. У нас мало времени, - не оборачиваясь произнес Ленин.

- Я ценю ваше время и постарался быть здесь точно как мы уславливались, - Шкларц проглотил замечание, он опоздал на две минуты, даже не допуская мысли, что его уже ждут – он не встречал пунктуальных русских.

Ленин как будто понял его мысли:

- Мне всегда была по душе немецкая пунктуальность. Надеюсь, также обстоит дело и с немецкой порядочностью.

Шкларц по тону сразу же оценил, что перед ним дюжий противник, с которым сторговаться будет не просто. Ленин вел себя уверенно и даже вызывающе. Точно он, а не Шкларц был здесь хозяином положения. Он поспешил заверить:

- Не сомневайтесь. Германские власти искренне заинтересованы в решении ваших проблем.

Ленин сломал очередную веточку, отбросил ее далеко в сторону и произнес, повернувшись боком:

- Тогда обойдемся без лишних церемоний. К делу.

Шкларц подошел почти вплотную:

- Наше предложение – Вы и Зиновьев выезжаете из этой страны под чужими фамилиями. Тайно. Наше паспортное ведомство обеспечит вас самыми надежными паспортами. Главное, чтобы никто из ваших не знал о вашем отъезде. Об отсутствии интереса со стороны швейцарских властей позаботимся мы. Через Германию вы доберетесь беспрепятственно до любой нейтральной страны, какую выберете, и в один прекрасный день окажетесь в Петрограде...

Ленин снова сломал очередную ветку и погрыз ее кончик. Сплюнул и искоса посмотрел на Шкларца:

- Боюсь, это неприемлемо.

- Что именно? – не понял его Шкларц

Ленин взмахнул руками, как бы призывая в свидетели лес и его обитателей:

- Вся эта секретность.

Шкларц искренне изумился. Работая на многих заданиях, он привык, что те, кому нужна была помощь МИДа или выполнение задания МИДа, настаивали на соблюдении секретности. Ленинское возражение поставило его в тупик:

- Почему?

Ленин теперь повернулся полностью в его сторону и прищурился, словно собираясь запомнить:

- Потому что тогда мы окажемся в полной зависимости от вашего МИДа. Ехать инкогнито через враждующую с Россией страну двум русским – это

безумие. Кто поручится, что нас не прикончат как шпионов? Или случайная полицейская проверка или как результат разыгранной вашим ведомством игры?

Шкларц недоуменно вскинул глаза на собеседника. Он не совсем понимал Ленина. Тот всерьез чего-то опасается или пытается навязать правила своей игры:

- Зачем нам тогда было все затевать, чтобы ликвидировать вас в Германии?

Ленин отмахнулся:

- У вас могут быть свои причины. Но, допускаю, у вас нет камня за пазухой...

- Простите?

Ленин засмеялся мелким веселым смешком. И даже легонько притронулся к плащу Шкларца, смахивая с него паутинку:

- Это русская поговорка, трактующая, что ваши помыслы чисты. Но – если Временному правительству станет известно что мы пробирались в Россию через Германию, будучи российскими подданными, а Россия находится в состоянии войны с Германией, почему бы этому правительству не предположить логично, что в этом нам помогла германская сторона. И тогда нас с радостью объявят германскими шпионами и с еще большей радостью повесят. Покорно благодарю.

- У вас есть иной способ?

Ленин молча покачал головой. Посмотрел на колышущиеся в вышине кроны деревьев:

- Я его обдумываю. Мы будем иметь в расчете заинтересованность в содействии наших проблем с германской стороны. Спасибо за аудиенцию...

Шкларц понял, что встреча закончена, и при этом ему не удалось навязать своего мнения и позиции МИДа этому невысокому ушлому русскому. Он был в самом деле стоящим противником. Шкларц почувствовал к нему уважение:

- Я доложу о ваших сомнениях в Берлине. Надеюсь, что они устранимы. И мы еще увидимся.

Ленин пожал плечами:

- Может быть... Извините, мне нужно идти на встречу со швейцарскими рабочими.

Цюрих. 27 марта 1917 года. 17.15

Народный дом.

В полутемном маленьком зале Народного дома, названного так, потому что здесь происходили открыто различные сборы, сборища, собрания различных организаций – от профсоюзных до политических, включая и эмигрантские, на этот раз был аншлаг.

Он был набит русскими политэмигрантами и швейцарскими рабочими, пришедшими послушать выступление Ленина. На первом ряду сидели его верные друзья и соратники - Цхакая, Зиновьев, Арманд, Фриц Платтен.

В зале было душно, так как большая людская масса сидела и беззвучно внимала оратору два часа с лишком.

Ленин заканчивал свою речь. Он был сегодня в ударе. Возбужден и красноречив. Вообще, после маловнятных и скучных его выступлений до начала марта, то есть, до того, как пришло известие о февральской революции, они резко изменились с этим известием. Ленин возродился, он стал тем же хлестким, острым, едким, настырным, жаждал полемики и бросался на нее, как голодный хищник на жертву, и это завораживало его слушателей.

Арманд смотрела на него во все глаза. Платтен тоже подался вперед. Зиновьев сидел и ерзал по скамье. Лишь Цхакая выглядел как нерушимая статуя.

Ленин поднял правую руку, словно зовя всех в далекую, только ему видимую отсюда, даль:

- Итак, итожу: Да, мир стал другим всего за три дня. Российский пролетариат доказал, что историю можно подгонять под свои интересы. И революция в России делает первые шаги, она превратится в революционную войну, пламя которой зажжет революционный огонь по всей Европе! Наступает новая эра. Ваши руки, друзья! Швейцарская социал-демократическая партия, секретарь которой – наш общий друг Фриц Платтен – будет в наших крепких рядах плечом к плечу!

Овации, как волны набегающего моря на песок, просто стерли его последние слова.

Ленин терпеливо и привычно выждал всю эту бурю восторга, довольно и радушно улыбнулся и сошел с трибуны.

Люди стали медленно расходиться, оживленно обсуждая услышанное. С заднего ряда поднялась молодая женщина. Ее лицо было скрыто под вуалью, и она внимательно наблюдала за Лениным, будто выжидая момент, чтобы он остался один. Но дожждаться было нелегко.

К Ленину подошел низенький Платтен и молча обнял его. Ленин растроганно похлопал его по плечу. Затем наклонился и тихо произнес, оглядываясь по сторонам.

- Нам нужно очень серьезно поговорить.

Они вышли вдвоем на улицу. Двор Народного дома пустел, уже заметно вечерело, и им никто не мешал. Ленин махнул рукой ожидавшим его Арманд и Зиновьеву, чтобы шли, он их догонит.

- Милый Фриц, - серьезно начал Ленин, - наметилось одно важное, я бы сказал - архиважное обстоятельство, которое может ускорить наш вопрос возвращения в Россию.

- Вот как?

- Сугубо между нами, - Ленин еще раз оглянулся, у него возникло чувство, что за ним следят, и на всякий случай он понизил голос до шепота. -

Предложение поступило от германских властей. Они предлагают нам выехать...

Платтен, воплощение швейцарской порядочности и социал-демократизма, далекий от всего неприличного и аморального, и при этом страстный и верный поклонник и соратник Ленина, отпрянул от него и выдал:

- Удивительно. И на каких условиях?

Ленин, заметив взволнованность Платтена, невесело усмехнулся и успокоил:

- Их условия неприемлемы. Пока, - он приблизился к самому уху Платтена. - Но по тону разговора я понял искреннюю заинтересованность...э...помочь нам. Это – разумный шанс, я его обдумал. Я и моя партия должны быть здесь как жена Цезаря – вне всяких подозрений.

Платтен понял, наконец, что то, что говорит Ленин – очень серьезно и обдуманно, и обсуждать здесь нечего:

- Что нужно от меня?

Ленин разогнулся и прищурился, будто оценивая – а кто вы, товарищ Платтен, достойны ли:

- Ты мне нужен как посредник. Единственный и толковый. Кроме тебя я ни на кого здесь положиться не могу. Вокруг или болтуны или дилетанты. В этом серьезном деле нужен умный и нейтральный человек.

Платтен возразил:

- Но ведь мы с Гримом уже пытались выйти на контакт в немецком консульстве, нас там не поняли...

Ленин рассмеялся. Дружелюбно и уверенно.

- А теперь, выходит, поняли. Я рассчитываю на тебя.

Платтен снова обнял Ленина. Он был счастлив, что судьба свела его с этим великим человеком.

- Сделаю все, что смогу. Давай все обсудим.

И тут Ленин вдруг заметил. Кто за ним следил он увидел одинокую женщину, явно ожидавшую его. И она заметила его взгляд и чуть приподняла вуаль.

Ленин тихо ахнул и торопливо сказал Платтену.

- Хорошо. Давай завтра утром. Утро вечера мудренее.

- Хорошая пословица, - улыбнулся Платтен. - Тогда до завтра.

Он крепко пожал руку Ленина и мелкими шажками засеменял в темноту Цюриха.

Ленин еще не успел оправиться от удивления, и только отмерял глазами расстояние, которое дама медленно укорачивала, подходя к нему.

Вот она рядом и подняла вуаль на шляпку. На Ленина смотрели темные глубокие и красивые глаза. Смотрели печально и взыскующе, пленительно и строго. Ленин на секунду почувствовал, что плывет, падает, летит в глубину этих глаз, но он решительно стряхнул наваждение, хотя удивление не проходило:

- Елизавета? Какими судьбами!

Елизавета печально улыбнулась:

- Да, я, собственной персоной – Елизавета де К. – как ты любил меня величать некогда.

- Не верю глазам своим... Ведь мы расстались в Галиции как раз перед войной. Навсегда, как я думал.

Елизавета зажмурилась. По ее щеке прокатилась маленькая слезинка. Она вздрогнула:

- Да, и я так думала. Здравствуй, Володя.

- Здравствуй, Лиза. Помню твои слова тогда – еще в Лондоне: помнишь, когда я тебя хотел обнять – между нами все кончено, мой друг...

Елизавета ладонями, у нее были холодные ладони, нежно провела по его щекам, подула на них и встряхнула:

- Любовь кончилась, но дружба осталась.

- Непременно, - согласился он, все еще находясь в удивительном состоянии удивления и охватившей его ностальгии прошлого. - Ты была и остаешься интересной и загадочной женщиной... - Ленин пытался смахнуть охватившую его сладость и к месту вспомнил железного Нечаева. Это как-то сразу помогло. - Впрочем, все это былое. Как же ты оказалась в Цюрихе?

Елизавета уловила эту перемену и сказала суше:

- До меня дошли слухи, что часть наших политэмигрантов вместе с тобой рвутся домой. Вот приехала навестить и проводить тебя...

- А... ты?

Елизавета медленно и решительно покачала головой:

- Нет, я не вернусь больше в Россию. Мы – чужие там. Ты этого так и не понял.

Ленин смутился ее словам. Она всегда говорила и поступала непредсказуемо, но он – не судья ей.

- Тебе видней. Впрочем, пока мой отъезд еще вилами на воде писан. Так-то.

Елизавета так же медленно и решительно покачала головой снова:

- Ты – добьешься. Сумеешь. Ты всегда достигаешь любой цели.

Ленина не очень приятно поразили ее слова. Он насупился, став похожим на обиженного школьника:

- Это твое напутствие?

Елизавета не ответила на вопрос. Она продолжала во все глаза смотреть на него:

- Я хотела узнать, изменился ли ты за эти годы? После Лондона, после Женевы, после Галиции... Я слушала тебя сегодня. Видела. Ты стал резче. Нетерпимее.

Ленин ответил жестко:

- Время такое. Или мы. Или нас.

- Ты всегда говорил это. Каждый раз у тебя были ссылки на время и на то – кто кого. Ты все в той же борьбе... Неужели ты все так же предан этим марксистским догмам?

Ленин услышал обвинительные интонации. Наверное, она права, со своей стороны. да, некогда они были молодыми страстными революционерами. Но для нее это всего-навсего оказалось увлечением. А для него?

- В них вся моя цель жизни, - он твердо смотрел в ее глаза уже осозанным и трезвым взглядом, свободным от любой сентиментальности и нюнь.

- И ты поедешь в израненную революцией Россию устанавливать эти догмы? Володя... это страшно. Ведь то, что ты проповедуешь, отрицает человеческую свободу, дороже которой ничего нет.

Ленин уже овладел собой настолько, что злился за минутную свою слабость и растерянность. Он ответил очень сухо:

- Людям не нужна свобода. Свобода – эта форма буржуазной диктатуры. В настоящем государстве нет свободы. Да, народ жаждет власти, но что он будет с ней делать?

Елизавета выслушала, но не ответила на его вопрос. Она была в своих, неведомых и ненужных ему мыслях. Ее губы почти не открылись:

- Ты принесешь не свободу в Россию, а мрак...

Ленин уже не слушал ее и, возбуждаясь, вдруг захотел донести ей свое видение, пророческое видение собственной миссии на этой земле.

- Мы дадим землю крестьянам, мир солдатам и власть пролетариату. Это три главные задачи, и все, что мешает их осуществлению. – антимарксистская ерунда, против которой я буду бороться...

Елизавета вдруг прервала его странным вопросом:

- Помнишь, ты любил читать мне Жуковского?

Ленин сразу остыл и недоуменно поднял глаза:

- Да, помню...

Елизавета с силой сжала кисти его рук. Мгновение с болью смотрела в его холодное и злое лицо:

- Знаешь. Мне кажется, у тебя выходит по Жуковскому – ты избрал непосильный для себя крест... Прощай, Володя... у меня нет для тебя напутствий...

Она медленно отвернулась и побрела прочь.

Он не стал ее догонять. Прищурясь, он смотрел как вместе с ней уходит часть его прошлого. Он даст себе последнюю вольность, он растроганно скажет ей вслед. Шепотом.

- Прощай, Елизавета де К... Тень моего прошлого. Прошлого, с которым покончено отныне навсегда...

Отныне у него не осталось призраков, тянущих его назад, пытающихся его остановить. Отныне у него нет права останавливаться и выслушивать их стенания и проповеди. Отныне у него только его цель, свернуть с которой он не сможет. Его ведет, гонит, тащит, несет это мессианское предначертание, и противиться ему он не в силах и не желает.

Берлин. 29. марта 1917 года. 01. 00.  
Вильгельмштрассе.  
Резиденция Министерства иностранных дел Германии.

Кабинет Бергена был темен, как и лицо его владельца. Огонь в камине, отражался нехорошими бликами на Бергене. И Шкларц, стоя перед ним, ощущал себя неуютно.

Берген говорил зловеще и откуда-то сбоку, ни мало не заботясь о переживаниях подчиненного:

- Констатирую: переговоры провалены.

Шкларц оправдывался точно нерадивый гимназист. Нечасто ему выпадало быть в такой роли перед Бергеном:

- Он очень хитер и осторожен. Он совершенно против тайного перемещения через нашу территорию. Это в России будет использовано против него. Напротив, он хочет шума.

Берген вскинулся:

- Шума? В смысле он хочет устраивать демонстрации и вести революционную агитацию на каждой остановке?

- Вроде того, - ответил уныло Шкларц.

Бергену было ровным счетом наплевать на унылость провалившего дело агента:

- У меня есть сведения, что Ленин после вашей с ним встречи отослал письмо в Стокгольм своему агенту Ганецкому – и в нем он категорически не согласен с нашим планом.

- Это я знаю и без письма, - нашелся Шкларц.

Берген смягчил тон:

- Не иронизируйте, Георг. Он предлагает ему договориться со швейцарскими властями о поезде для русских до Копенгагена. Или – запасной вариант – начать спешные переговоры о равном обмене наших интернированных граждан в России на русских эмигрантов. Что это означает, Георг?

Шкларц не хуже своего шефа понимал, что это означает, и потому ответил лаконично, как на экзамене:

- Что русские очень торопятся и близки к отчаянию.

Берген наконец вышел из темного укрытия стола и предстал перед Шкларцем. Теперь огонь камина отражался на его пенсне:

- Верно. То, что предлагает Ленин в письме – это месяцы, если не годы разных пустых согласований и договоренностей, прежде чем что-то сдвинется с места – я знаю, как делается политика в нашей милой Европе. Тем более, со страной, где бурлит революция – Европа не любит свержений с престола. А у Ленина нет времени на все это. И у нас его мало. Инициативой должны владеть мы.

Шкларц мгновенно понял, что хочет от него Берген. Впрочем, иначе он бы здесь не работал:

- Это означает, что я немедленно возвращаюсь в Цюрих?

Берген рассмеялся:  
- А разве вы еще здесь?

Швейцария. Берн. 3 апреля 1917 года. 10.43.  
Немецкое посольство в Швейцарии.

Раздраженный Шкларц ходил по фойе первого этажа, куря сигару. Странно, почему как только он оказывался в этом посольстве, его охватывало раздражение. Возможно, и потому, что его коробила сытая благополучная жизнь немцев здесь, в то время когда там, в родной Германии царило совсем иное.

Посол ехидно наблюдал за ним, надеясь, что этого наглеца не будет долго видеть. Его в данном случае распирало внутри от удовольствия лицезреть неудачу этого самоуверенного хлыща, позволяющего вести себя в порядочном месте как настоящей свинье.

- С Вильгельмштрассе снова интересовались – как продвигаются дела с русскими. За последние три дня это уже пятнадцатый звонок, - самым невинным голосом проинформировал посол.

Шкларц чуть не споткнулся на ходу и буркнул:

- Знаю. Я докладывал, что русские заявили о своей готовности к сотрудничеству. Но где, они, черт возьми? Уже третий день пошел, и никто из них еще сюда не явился. Даже для славянской необязательности это выглядит дико.

Посол в данном случае симпатизировал славянам, щелкнувшим Шкларцу по носу, но предпочел спросить отвлеченно:

-: А почему, кстати, сюда в Берн? Женева или Цюрих не хуже...

Шкларц остановился и ядовито посмотрел в сторону посла. У этого борова явно мозги зажирили:

- Потому, дорогой посол, чтобы меньше было лишних глаз и ушей. Женева и Цюрих набиты всякими русскими, и шпионами, и теми, кто не хочет обратно в Россию, и теми, кто хочет, но кого не возьмут. Мне не нужны русские скандалы, эти варвары могут здесь начать ругаться так, что не только Альпы, но и Пиренеи и Карпаты покраснеют.

Посол не выдержал и допустил оплошность, ибо спросил о своем сокровенном:

- А если ваша миссия провалится?

Шкларц внимательно и мрачно уставился на посла. Тыкая в его сторону сигарой, тихо, и от этого очень зловеще, произнес:

- Наша. Наша миссия, посол. Или вы хотите отмахнуться от приказа кайзера и блага Германии? Так понимать ваши слова?

Посол даже побагровел от избытка самых противоречивых чувств, ах как завернул, подлец, свинья:

- Что вы? Как вы могли даже подумать такое, - он подошел к графину с холодной водой и залпом осушил стакан. – Как вы могли подумать такое, - повторил он.



Шкларцу стало невмоготу больше наблюдать эту трусливую образину, т он рявкнул:

- Тогда заткнитесь и не мешайте работать.

Посол не был против, ему тоже было противно находиться рядом с этим болваном, возомнившим невесть что.

- С вашего соизволения. - он картинно раскланялся и ушел.

Болван, полный болван, негодующе подумал о нем Шкларц. Но дальнейшему потоку мыслей в этом направлении помешал швейцар. Появившись в гостиной, он неловко затоптался на месте.

- А где, осмелюсь спросить, господин посол?

Шкларц не мог теперь церемоний. Он недружелюбно смерил швейцара взглядом и пробурчал:

- Я могу служить вместо него. Что случилось?

- К воротам прибыл швейцарский подданный. Вот его карточка. – он протянул визитку Шкларцу. - Он хочет встретиться с...

Шкларц прочел вслух - Фриц Платтен.

- Наконец! Немедленно приведи его ко мне, - заорал он на швейцара. - Живо, черт тебя подери!

Швейцар, отвыкший от добрых и сочных родных ругательств, рысью, бросился вон.

Посол, отходя от неприятной стычки с Шкларцем, читал свежую прессу и попивал холодный лимонад. Внезапно его мясистое лицо скривилось – он услышал скорые громкие шаги, так по посольству могла лишь эта скотина, чтоб ей было пусто.

И точно, скотина, по имени Георг Шкларц влетела с озабоченным видом, как бы и не заметив посла. Мало того, она плюхнулась со всего разбегу прямо на край стола, подмяв под себя как газету, которую только что читал посол. Шкларц потянулся к телефону и с силой крутанул ручку, и только тут вдруг увидел персону посла. Прикрыв широкой ладонью нижнюю мембрану телефона, он, не церемонясь, приказал:

- Дело чрезвычайной государственной важности. Потрудитесь выйти, мне нужно конфиденциально переговорить с Вильгельмштрассе, - посол застыл в кресле и Шкларцу не понравилось выражение на его лице. - Вы не поняли? – вкрадчиво спросил он. - Чрезвычайной. – и с видимым удовольствием заорал - Вон отсюда!

Посла словно стеганули через всю спину здоровенным арапником. Он залился красной краской, с ненавистью стрельнул глазами на шкларца, но не посмел перечить и торопливо удалился.

Шкларц снова остервенело накрутил ручку телефона.

Швейцария. Цюрих. 2 апреля 1917 года. 15.30.

А за день до случившегося в немецком посольстве в флигеле, где жил Ленин с Надеждой Крупской, оговаривались последние условия намеченной акции.

Ленин понимал, что его втягивают в очень серьезную игру, стараясь использовать в своих целях, он был достаточно умен, чтобы это понять по той настойчивости, предупредительности и спешке немцев. Но он быстро понял и другое – эта, пусть и опасная игра, ему на руку, ибо отвечает его сокровенной цели, выбраться в Россию.

И это будет игра в поддавки. Он начнет свою игру.

Это была авантюра, из разряда тех великих авантур, которые заканчиваются катастрофами, гениальными открытиями и великими потрясениями или грандиозными провалами.

Это была авантюра, так свойственная всему образу жизни и мыслей Ленина, осознавшего, что только смелым, беспринципным броском следует решать любые проблемы, иначе ты можешь утонуть во всевозможных – а если...

Выбора нет, если его не искать. Авантюра тем и ценна, тем и интересна, что это игра. И чем больше ставки в такой игре, чем выше планка авантюры, тем значимее дивиденды.

Он готов пуститься в эту авантюру. Он готов включиться в игру по чужим правилам, и никто не узнает, когда и где он предъявит свои. Он обязан выиграть этот кон.

Ленин отчетливо понял – это его шанс. Возможно, не единственный, но остальные шансы будут позже, и он потеряет время. А упустить время – это упустить революцию и себя, как лидера, в этой революции. Ради этого стоило рисковать и жертвовать...

Ленин вытер платком лоб и посмотрел на Платтена, деловито записывающего его указания

- Все условия обговорены и согласованы с нашими товарищами. Вот они. Первое. Мы согласны с предложением, поступившим от секретаря Швейцарской социал-демократической партии господина Платтена лично возглавить группу отбывающих эмигрантов...

- Спасибо, Владимир за доверие, - Платтен порозовел. Будучи человеком не столь блестящих умственных способностей, как обожаемый им Ленин, тем не менее, и он осознавал, что становится участником серьезного и, по всей видимости, исторического события, входя пусть эпизодом, но самостоятельным эпизодом в него.

Ленин продолжал, не обратив внимания на состояние Платтена:

- Второе. Мы согласны следовать через границу в поезде, но в отдельном вагоне, где нам должны быть гарантированы экстерриториальные права.

- Справедливо, – кивнул Платтен.

- Третье. Мы обещаем, при приезде в Россию немедленно поставить вопрос об освобождении из тюрем и отправке в Германию германских граждан. Четвертое, - Ленин помедлил. - Финансирование проезда возлагается на германскую сторону. У нас нет денег.

Платтен прекрасно знал, что русские политэмигранты в самом деле не очень богаты, он был причастен к шумному делу с возвратом так называемых денег русского миллионера Морозова, завещанных последним русским революционерам, к которым имел доступ Ленин. Но эти деньги были переведены в один из немецких банков, и с началом войны, они стали как бы собственностью немецкого правительства, не позволявшего русским пользоваться ими.

- Пятое, - между тем декламировал Ленин. - И главное, в целях недопущения компрометации российских эмигрантов в глазах российской и мировой общественности, как германских верноподданных или шпионов, мы составили документ о депортации российских политэмигрантов, который должны подписать известные французские, немецкие и швейцарские социалисты. С условиями депортации должны быть ознакомлены все отбывающие эмигранты и лично поставить свои подписи... Все!

Платтен дописал последние слова, аккуратно положил ручку на стол, так же аккуратно сложил записи и положил в карман пиджака:

- Я записал, что нужно – запомнил. Я отбываю в Берн немедленно.

Ленин серьезно и с какой-то затаенной надеждой и опаской посмотрел на своего верного швейцарца:

- Хоть я и атеист, но скажу – да благословит вас Бог.

Германия. Берлин. 7 апреля 1917 года. 22.49.

Вильгельмштрассе. Резиденция Министерства иностранных дел Германии.

Кабинет Бергена на этот раз не казался темным, несмотря на позднее время суток. Поэтому Шкларц ощущал себя спокойнее, да и было отчего – он привез важные известия Бергену, и тот, хоть и делает недовольный вид, но все же рад появлению Шкларца, вернее, не столько появлению агента, сколько тому – что он привез с собой.

- Заметьте, Георг, только ваши стенания о чрезвычайности вашей информации заставили меня ныне так задержаться. Из-за вас я пропустил любимых «Нибелунгов» великого Вагнера. И мне будет досадно, если окажется, что – зря. Говорите.

Берген подчеркнуто равнодушно сел в кресло и поправил пенсне, озирая Шкларца, словно музейный работник – прибывший новый экспонат.

- Условия русских я изложил в этом документе. – Шкларц передал Бергену папку.

- Ну-ка, ну-ка, - Берген быстро стал читать бумаги. Шкларц, наблюдая за ним, отметил, как хищно улыбнулся Берген, читая какой-то пункт. Шкларцу стало любопытно – какой самый, но он не посмел потревожить шефа.

Берген, наконец, закончил читать и откинулся в кресле. О нибелунгах и Вагнере он уже не думал, отметил Шкларц. Пауза затянулась, и он решил напомнить о себе. Шкларц тихо кашлянул и спросил:

- Может быть, стоит поставить в известность кайзера?

Берген небрежно взглянул на Шкларца:

- Для вас кайзер – это я. Не будем беспокоить славного кайзера, пусть занимается своими лошадьми, а вершить политику – это грязное дело – достанется нам.

Шкларц улыбнулся. Он знал, когда его начальник начинает циничного шутить, значит он в хорошем расположении духа.

- Вы блестяще указали мне мое место. Спасибо. Я оценил ваш урок, - скромно сказал Шкларц.

Берген: и ухом не повел:

- Прекрасно, Георг, вы способный ученик. – Берген встал, сложил руки за спиной и стал расхаживать по кабинету, мало не натываясь на изваяние Шкларца. Подойдя к темному окну, он неожиданно уселся на широкий подоконник и щелкнул пальцами. - Ну что же. Мы предоставим им... вагон. Отдельный. Более того – это будет опломбированный вагон – ни одна мышь ни в одну щель этого вагона не пролезет.

Шкларц решил уточнить:

- Кроме наших мышей...

Берген махнул рукой, не слезая с подоконника:

- Не обсуждаю разумеющихся мелочей. Далее. Мы провезем этих крохоборов за счет нашего казначейства. Мы гарантируем их безопасность на территории Германии. Кстати, любопытно, что все тридцать с лишним росписей отъезжающих русских под документом выполнены одной рукой.

- Я тоже обратил на это внимание.

Берген поправил пенсне, соскочил с подоконника, подошел к столу и взял одну из бумаг, привезенных Шкларцем:

- Странные эти русские, никогда бы не думал, что м...м...м (читает из документа, одев пенсне) Айзенбад, Гоберман, Абрамович, Шеинессон, Сковно, Соулешвили, Розенблюм, Кон могут расписываться как э...э...э Бойцов или Харитонов. Впрочем, не будем придирааться, - он повернулся к Шкларцу. - Вы справились со своей задачей, благодарю. Георг. Теперь постарайтесь отменно завершить ее – проконтролируйте отправку и проезд русских.

Шкларц так щелкнул каблуками как заправский ефрейтор, заставив Бергена поморщиться – он не выносил солдафонщины.

- Всегда готов служить великой Германии.

- Не так пафосно, Георг. Заметил ему Берген и внушительно поднял палец, точно в стиле кайзера. - Мне, мне вы должны служить с таким рвением, что и равносильно службе великой Германии...

Берген опять сел в кресло и снова откинулся на его спинку, задумчиво повторяя:

- Что же, значит, вагон... Вагон русских... Это будет вагон первого класса!

Швейцария. Берн. 9 апреля 1917 года. 07.10.

Немецкое посольство.

Шкларц стоял у телеграфного аппарата и диктовал не выпавшему телеграфисту, уже получившему выволочку от неугомонного чиновника МИДа за медлительность.

Посол предпочел на этот раз заболеть и потому счастливой возможностью вновь увидеться в приятной обстановке с Георгом Шкларцем, к сожалению, не представилось, о чем Шкларц был уведомлен сразу же при прибытии в Берн.

- Хитрая паршивая свинья, - пробубнил Шкларц, нежданно вспомнив это уведомление.

- Простите, это телеграфировать? – встрепенулся телеграфист.

- Болван! Молчать! – грохнул Шкларц. – Записывайте:

«Министерство иностранных дел. Бергену. К отъезду все готово. Полагаю совершенно необходимым обеспечить полную изоляцию русских в пути следования через Германию. Никакой информации в немецкой прессе, пока об этом не заговорит пресса других стран. В противном случае по прибытии в Россию русские будут арестованы за измену. Обращаю ваше внимание на полное умолчание участия властей Швейцарии в данной операции во избежание осложнения ее отношений с Антантой – это условие выдвинуто Швейцарией, и я дал гарантии от вашего имени. Георг»...

### Часть 3

Швейцария. Берн. 9 апреля 1917 года. 12.00.

Отель Zahringer Hof.

Ресторан отеля Zahringer Hof напоминал потревоженный улей. Нечасто здесь собиралась такая разношерстная толпа, веселая, галдящая и нервная. Здесь собрались отъезжающие русские эмигранты, численностью 32 человека. И официантам, разносившим блюда обедающим посетителям было явно невдомек, что они обслуживают начало одного из самых загадочных путешествий нынешнего века.

Согласно имевшейся (и, разумеется, тайной) договоренности с немецкими властями, о чем Ленин не распространялся, и даже ближайший его сподвижник на это время Зиновьев был не в курсе встреч Ленина с Шкларцем и предполагал, что все происходящее – следствие помощи международного пролетариата в швейцарско-немецком исполнении, так вот

– согласно этой договоренности именно 32 российских политэмигранта отправлялись в Швецию через Германию. В Швецию – значит, в Россию, ибо там рядом был уже протекторат империи – Финляндия.

Ленин проявил присущую ему изобретательность. Верно считая, что для немецких властей все политэмигранты – это единая масса, он отдавал себе отчет, что для России, как и для них самих, это далеко не однородная масса. И если по прибытии домой пойдут обвинения в сотрудничестве с немцами, то эти обвинения не должны лечь на большевиков, и только на них. Поэтому в состав отъезжающих Ленин намеренно включил меньшевиков, и хотя их было не более пяти человек, все-таки, как он полагал, огульно обвинять только большевиков в сговоре с немцами не удастся, придется сюда впихивать и меньшевиков или – молчать в тряпочку.

Наличие Платтена, как руководителя поездки, убеждало многих, что в организации всего этого дела именно его социал-демократической партии и принадлежит ведущая роль, а значит – их совесть чиста. В этом также заключалась хитрость Ленина – он сам, его партия должны быть вне всяких подозрений.

Насколько во всех этих хитросплетениях разбирался заочный противник Ленина по начатой игре – Берген, - неизвестно, но, возможно, тот не придавал им значения, выстраивая главную стратегию – засылку политэмигрантской мины во взбудораженную Россию. Так, путник, ночью в лесу подбрасывает в горящий костер сухие ветки, чтобы костер горел ярче, и ему совершенно все равно ветки эти – дубовые, сосновые или ясеневые, - лишь бы хорошо горели.

Но для Ленина и частности имели определяющий характер, потому что сама поездка для него означала трамплин, с которого он прыгнет в гущу революции. И разогнаться на этом трамплине нужно было четко и чисто, чтобы не дать врагам повода для компрометации. Он не имел права по прибытию в Россию тратить время и силы на оправдания и объяснения – как могло случиться, что она стала возможной при странном попустительстве немецкой стороны, с которой Россия находилась в состоянии войны.

Но пока все отъезжающие одновременно обедали и слушали Ленина. Сам Ленин, находясь все последние дни в лихорадочном возбужденном состоянии, даже не замечал переутомления и заканчивал публичное чтение письма к швейцарским рабочим.

- ... наша главная цель превратить войну империалистическую в, войну поработанных против буржуазии. Мы клеймим позором социалистические партии, которые лижут грязные лапы своих буржуазных правительств. И мы приветствуем доблестных социалистов Швейцарии, оказавшихся нашими верными союзниками в мировой борьбе с эксплуататорами... Спасибо, друзья. Мы еще увидимся, ибо наша революция перешагнет пределы России и постучится к вам!

Все – и отъезжающие, и провожающая их делегация швейцарских социал-демократов встали и заоплакивали.

Раздались крики ура.

Поднялся и разгоряченный обедом и важностью момента Платтен, который не мог перебороть нахлынувших эмоций и, не зная, как можно проявить симпатии к своим русским товарищам еще больше, решил сделать это чисто в европейском стиле:

Платтен вытер глаза платком и выкрикнул:

- От имени нашей партии примите собранные от швейцарских кооперативов три тысячи франков, как дар во имя нашего союза...

Ленин деловито принял дар, как само собой разумеющееся, но чтобы присутствующими жест Платтена не был воспринят как подаяние, Ленин тут же вскочил на стул и перекричал Платтена:

- Мы добавим их к той тысяче, которую собрали мы. Этих денег нам хватит, чтобы не чувствовать мерзкой зависимости от немецких соглядатаев там.

Он рукой показывает в сторону Германии.

Внезапно раздался визгливый крик. К Ленину откуда-то, опрокидывая стулья и помогая себе локтями, подбирался некий невзрачный человек - его невыразительную внешность успешно дополняли болтающиеся на веревочках очки, бившиеся на его груди.

– Возьмите меня, - вопил этот человек.

Ленин недоуменно посмотрел на Платтена и укоризненно на стоявшего позади него Миху Цхакая. Но человек был стоял рядом и отмахнуться от него было поздно:

- Кто вы?

Человек отдышался, сглотнул и сложил умоляюще руки на груди поверх очков:

-Я доктор Оскар Блум, член социал-демократической партии, и я... тоже хочу ехать с вами. Пожалуйста... - он зашелся мелким кашлем. – Вы не имеет права отказать мне.

Ленин постарался мягко ответить этому Блуму, чтобы его не раздражать:

- Список утвержден, и больше никого мы брать не имеем права.

Но Блум, судя по всему, не внял этим понятным словам, он протянул руки к Ленину:

- Я хочу, я имею право, я тоже член партии...

Ленин пробормотал:

- Не знаю таких. А может вы – шпик?

В зале воцарилось полное молчание. Ленин обвел всех взглядом. На него смотрели десятки пар глаз – напряженно и ожидающе. А Оскар Блум, став центром внимания, взывал к товарищам, плача навзрыд и выворачивая карманы:

- Я собирался сюда всеми путями, остался без денег. Я хочу в Россию, я еще буду ей полезен. Возьмите меня...

Ленин оказался в щекотливом положении. Налицо была ситуация, когда требовалось принятие жесткого единоличного решения на правах вождя

партии. Взять с собой – это будет против условий договоренности, нарушением партийной дисциплины, к которой он так приучает своих соратников, но это будет по-человечески – и ему будут благодарны. Но – Нечаев так бы не поступил. Отказать – его упрекнут в отсутствии человечности к этому бедному доктору. Но, а если он и впрямь – немецкий соглядатай, мастерски разыгрывающий роль несчастного? Кто знает?

Но Ленин на то и был Лениным, что мог стремительно анализировать ситуацию и находить из нее самый выгодный путь. Зная, что то или иное его решение вызовет пересуды и недовольство, он призвал на помощь... демократию.

Покраснев от волнения, Ленин громко сказал, чтобы слышали все и обвел зал рукой:

- Я не могу решить этот вопрос... Один. Товарищи, предлагаю тут же проголосовать. Берем ли мы с собой этого неизвестного гражданина. Который говорит, что он член партии, или отказываем ему. Предлагаю проголосовать не мешкая... Из тех, кто сейчас находится здесь...

Товарищи зашумели – идея Ленина была одобрена. Он выбрал самое верное решение – коллегиальность подразумевает справедливость, и мало кто думает о том, что коллегиальность подразумевает и обезличенность ответственности за принятое решение.

- Кто за? – Ленин сам же и стал считать. - Против? Так. Одиннадцать за, четырнадцать против. Все.

Ленин сочувствующе положил руку на плечо дрожащему доктору, собираясь другой рукой положить ему в карман несколько банкнот, но передумал:

- Господин Блум, мы де-мок-ра-ти-чес-ки решили – вы не едете с нами.

Миха Цхакая тут же постарался оттереть шмыгающего носом доктора в угол зала. Отъезжающие шумно поднимались из-за столов. Ленин подошел к большому, выполненному в арочном стиле окну ресторана, и шумно вздохнул:

- Скорее бы в вагон...

Берн. Железнодорожный вокзал. 14.30.

Паровозные гудки, лязг буферов, обволакивающий пар, - привычная картина любого вокзала.

По широкому вокзальному перрону, проходила пестрая людская смесь – с корзинками, с тюками, с баулами и чемоданами. Вроде бы ничем она не выделялась среди прочих пассажиров, но внимательный взгляд отметил бы непривычную молчаливость и сосредоточенность, граничащую со встревоженностью на лицах этих отъезжающих. Впрочем, военное время – потому все объяснимо.

В стороне от перрона у состава, отправляющегося в Германию, в вагон первого класса подавали коробки с провизией. Рядом суетился Платтен.



Платтен поглядывал на перрон и поторапливал кондуктора. Тот был явно недоволен и постоянно огрызался.

- Да тут еды и питья на месяц! Они, ваши пассажиры, что до Америки собираются ехать?

Платтен уже вошел всецело в роль организатора и впитал в себя всю ответственность за собственную миссию в этой поездке. Он поправил кондуктора:

- Здесь рассчитано на десять дней...

Кондуктор не выдержал:

- Да протухнет оно все...

Платтен посчитал ниже своего достоинства вступать в перепалку, тем более, что его взгляд увидел то, чего он опасался. Не мешкая, он поспешил к перрону

Из вокзала к перрону внезапно высыпала толпа из нескольких десятков человек. Платтен сразу определил, что это – русские. И настроены они не очень по-доброму. Они размахивали самодельными плакатами, на которых красной краской весьма ясно читалось -«Предатели», «Немецкие шпионы». Чтобы надписи на плакатах были поняты более конкретно, эти люди кричали вразнобой

– Крысы!

- Предатели!

- Позор!

- Продались за тридцать марок кайзеру...

- Ленин, сколько заплатили за предательство... Иудушка...

Толпа умело передислоцировалась по перрону и смешалась с отъезжающими политэмигрантами. Те, втянув головы в плечи, и мужчины, и женщины, старались не замечать наступающих на них демонстрантов и ускорили шаги к составу.

Однако этот маневр не прошел. Демонстранты явно были знакомы не только с цивилизованными европейскими нормами протеста, но и с другими. Где-то уже мелькнул кулак.

Отъезжающим пришлось прорываться к поезду с боем.

Ленин шел одним из первых, во главе колонны. Он тоже увидел стекающийся к перрону сонм недовольных и помрачнел. Он шел в котелке и тяжелом пальто, с зонтиком в руках. Ленин крепко сжал зонтик, стараясь смотреть себе под ноги.

Тут пнули и его, и очень удачно. Он отлетел в сторону. Его обуяли злость и азарт драки. И он стал раздавать тумаки зонтиком направо и налево, норовя попасть хоть в кого-нибудь хотя и не разбирая противников.

В колонне отъезжающих увидели. Что вождь дерется и тем самым, как бы дает разрешение остальным.

Вспыхнула настоящая потасовка.

Подбежавший Платтен при всем своем маленьком росте удачно боднул головой крепкого высокого человека с плакатом, от которого уже осталось древко. Высокий выпучил глаза, взмахнул древком и опрокинулся навзничь

мешком. Завизжали женщины. Где-то от вокзала раздались запоздалые трели полицейских свистков.

К Ленину, толкаясь и принимая удары на себя, протиснулся какой-то незнакомец. Чтобы Ленин не принял его за нежелательного соотечественника, он проорал ему прямо в ухо:

- Зигфрид Блох, к вашим услугам.

Ленин не сразу понял, что этот человек всего лишь провожающий. Раздавая тумаки и получая их, он снова прокричал Ленину:

- Надеюсь скоро увидеть вас снова в наших рядах, товарищ.

Ленин, уворачиваясь от кулаков, оценил мужество швейцарского товарища, одновременно пожимая ему руку и махая зонтиком. Но все же заметил резонно:

- М-да, если мы скоро вернемся, это будет плохим знаком для нашей революции...

Наконец, прорвав осаду, отъезжающие ввалились, втиснулись в вагон один за одним, - в криках, ругани, толкучке.

В окне второго купе показался Зиновьев. Из толпы демонстрантов отделился среднего роста мужчина с русыми волосами, он подбежал к окну и уставился на Зиновьева. То заметил его.

- Рязанов? – закричал Зиновьев и приоткрыл окно - Ты? Черт! Как сюда попал?

Рязанов замахал на него руками – нынче не до церемоний и пустых расспросов. Сложив ладони трубкой, он прокричал Зиновьеву:

- Ленин сошел с ума! Вы умнее его! Он не понимает какой опасности подвергается! Ехать через Германию безумие!

Зиновьев улыбнулся, отвернулся от окна и удалился в глубь купе, распаковывая вещи.

Рязанов кричал и кричал пустому окну.

И вот часы на вокзале показали 15.10.

Послышался свисток и затем гудок паровоза. С шумом устремился наружу белый пар, прокрутились паровозные колеса. Гулко лязгнули буфера сцепки. Поезд качнулся и медленно тронулся.

Тронулся и вагон с русскими политэмигрантами. Тронулся и поплыл через толпу застывших демонстрантов, хмурых и поникших, провожающих вагон тоскливыми и ненавидящими глазами, и на окнах вагона эти взгляды отражались, либо это были взгляды тех, кто находился в вагоне.

И в это время в окна вагона сверкнуло апрельское солнце, прорвавшееся через тучи.

И на лицах оставшейся толпы отразился багряный отсвет этого солнца. И кто-то несмело поднял руку и помахал ею – прощался. За одной вверх взметнулись еще несколько рук, может быть и тех, что еще недавно сжимались в кулаки на этом перроне.

Кто поймет этих русских?

Швейцария. Берн. 9 апреля 1917 года. 16.30.  
Немецкое посольство.

Телеграмма в МИД Германии.

«Вагон выехал. Возник инцидент с провожающей русской толпой. Полагаю, просочились слухи, но не с нашей стороны, дело может получить нежелательную огласку раньше времени. Проблема осложняется тем, что русские не озаботились получить разрешение на въезд в Швецию. Таким образом, они полностью зависят от наших действий. Георг»

Германия . Берлин. 9 апреля 1917 года. 17.00.  
Резиденция Министерства иностранных дел.

Берген только что отобедал, когда ему принесли шифротелеграмму. Кивком головы отправив адъютанта вон, он, хрустнув пальцами, словно предвкушая наслаждение, сел в кресло и стал читать. Лицо его через минуту вытянулось и приобрело смешанное обиженно-изумленное выражение, свойственное новобранцу, которому вместо винтовки вручили вилы и отправили на скотный двор.

Он еще раз прочел шифротелеграмму и забарабанил пальцами по полированной глади стола:

- Нет, но каковы! Они вообще считают себя либо аристократами, либо идиотами. Обеспечь им вагон, обеспечь им сохранность. Обеспечь им питание. Теперь еще – обеспечь им пропуск в Швецию. М-да, на что бы они годились без тебя, старина Берген. – при этих словах Берген приподнялся, взглянул на себя в зеркало, висящее напротив на стене, остался доволен и присел - И как еще при этом они умудряются делать революции? Хотя, стоп. Наверное, только такой склад ума и характеров способствует появлению революций. Надо обдумать, интересная мысль...

Он нащупал кнопку, нажал ее кнопку, и в двери тут же возник адъютант.

- Доложите кайзеру, что я прошу у него аудиенции. Как только он соизволит...

«Русский» вагон в цепи остальных вагонов поезда шел замыкающим. И никто из пассажиров других вагонов и представления не имел, что позади них едет опломбированный вагон, в котором разворачивается полная драматизма жизнь – жизнь людей, мчащихся навстречу неизвестности и неведомым опасностям, зависящим от воли провидения или от череды обстоятельств, или от чьей то железной воли.

Но об этом старались не думать. Пока все размещались по своим купе. Вздорные мысли и тревоги отгоняла обычная суэта первых минут поездки – ставились на полки и под сиденья чемоданы, сумки, раскладывались вещи. Доставалась своя снедь, несмотря на то, что вагон был напичкан самыми разнообразными продуктами.

Ленин и Крупская были размещены в первое купе. Оно предназначалось для двоих. Наскоро сложив нехитрые пожитки – Ленин вообще взял с собой только необходимые ему книги, – Крупская оглянула еще раз купе, в котором им предстояло провести неизвестно сколько непростых дней и ночей, и тяжело села.

- Господи, неужто позади весь этот кошмар...

Ленин понял ее по-своему:

- М-да, нехорошо. Не по-людски нас как-то проводили.

Крупская вздохнула:

- Выпроводили...

Ленин обнял ее и захихикал, он пытался держаться бодро, насколько ему удавалось после всех пережитого за последние дни:

- Ничего, Надюша. Все идет намеченным путем. Нас не посмеют...

Он замолк. Бодрость как рукой сняло. Пугающая неопределенность вползала в душу. Это там, во флигеле многое виделось оптимистично, потому что опасность была далека. Но теперь пути назад нет – они едут, они – заложники в этом вагоне, и выбраться из него нельзя. И далекие еще пару дней назад страхи теперь уже рядом. А, может быть на него удручающе подействовала эта демонстрация. Он медленно снял пальто, начал яростно складывать зонтик, но тот сломан.

Ленин раздраженно закинул его под полку. Непонятно к кому обращаясь, он прошептал:

- Не посмеют...

По соседству с ленинским – во втором купе ехали муж и жена Сафаровы, политэмигранты среднего возраста, без особых примет и характеров, и было непонятно – как они оказались в списке избранных. Напротив них расположились Инесса Арманд, Ольга Равич и Карл Радек.

Радек – был веселым, с пышной шевелюрой, баками, достаточно молодым парнем, которому явно шли дорогие роговые очки. Размахивая изящными руками, которыми он всегда постоянно жестикулировал во время разговора, он просто радовался смене обстановки. Балагур, умевший заводить компанию, и любитель петь, он не прочь был пофлиртовать с Равич, миловидной и молодой женщиной, любящей шутки и шумную компанию. Оба представляли новое поколение русских революционеров, более бесшабашное и принимающее революцию как калейдоскоп зажигательных, пусть и опасных приключений, где есть разгуляться молодости и задору.

Равич со смехом допрашивала Радека, ехавшего с ними не под своей фамилией:

- Ну, и почему ты взял псевдоним Припевский?

- Какой псевдоним, дорогая? – наигранно удивлялся Радек. - Я и есть Припевский, видишь от слова петь припевы. Я – мастер припевов. Слушай, и он запел какой-то напев.

Все рассмеялись.

Арманд попросила:

- Карлуша, не так громко.

- Не бойся, из поезда не высадят – некуда! Я – нумерованный товар, - успокоил ее Радек.

- И бесплатный, = громко расхохоталась Равич.

Третье купе, четвертое купе... Где веселые, оживленные лица, где сосредоточенные и озабоченные, где угрюмые и меланхоличные...

Обычное настроение людей, сорвавшихся с привычного места и едущих навстречу грядущему, полному реальных опасностей, но и едущих – домой. И пусть здесь были все – с большим и малым опытом революционных деятелей, привычных к конспирации, невзгодам, стычкам с полицией, арестам, - но в нынешней ситуации все выглядело по-другому: они должны были следовать через воюющую с Россией страну, где все могло быть совершенно по-иному, так как война диктовала свои законы, и не считалась с общепринятыми нормами. На любом километре, на любой станции их поездка могла оборваться.

Эта дорога была и дорогой к дому, и дорогой в никуда.

Размеренный стук колес вагона все же настраивал на мирный лад. За окнами мелькали придорожные пейзажи и ландшафты, и страшное, как и война, о которой почти все обитатели вагона имели представление только понаслышке, ибо не были в России эти военные годы, выглядело призрачным и надуманным. Все обойдется, как бы успокаивала пассажиров вагона уже расцветающая природа.

Ленин не находил покоя, ему нужен был выброс эмоций, чтобы овладеть собой, или поспать. Но днем он никогда спать не мог.

Он то сидел, то вскакивал. Крупская, искоса поглядывая на него, перекладывала пакеты и книги с места на место.

Раздался стук в дверь, она открылась и в купе заглянул Платтен. Ленин знаком пригласил его войти.

Платтен сел бочком на скамью и доложил:

- Все разместились. Кондуктора, как вы и просили, из вагона перед отправлением убрали.

Ленин задумчиво потер лоб, казалось его занимают не эти мелочи, а что-то более важное:

- Как ты думаешь, Фриц, все обойдется благополучно?

Платтен, как и положено человеку без фантазии, не стал загадывать, передернул плечами:

- Я не всевидящий. Надеюсь, что да.

- Хорошо бы, - тихо произнес Ленин. - Скоро граница?

Платтен посмотрел на часы, прикинул, глядя на потолок купе, пошевелил пальцами:

- Думаю через часа четыре.

- Едем как воры. Гадкое чувство, - неожиданно для всех сказал Ленин.

Платтен постарался улыбнуться, чтобы разрядить ситуацию. Он прекрасно понимал состояние этих людей и старался как мог помочь им обрести сопойствие:

- Дело требует того, переживем.

Крупская совершенно не к месту, обессилено опустив руки на колени, пробормотала:

- Как Россия-то нас примет?

Ленин посмотрел на нее сердито и закрыл лицо ладонями. В глазах его стоял страх, будто он только теперь понял, в какую историю влез. Еще раз со злостью взглянув на Крупскую, он яростно выкрикнул:

- Нам бы из клятой Европы выбраться... живыми.

Из соседнего купе донесся громкий смех. Ленин скривил мучительную гримасу. Ну какое еще тут веселье. Но, как бы насмехаясь над его подавленным настроением, снова раздался громкий смех.

Ленин вскочил, раздраженно затопал ногой, испепеляя взором стенку, отделяющую купе:

- Да что там цирк приехал, что ли? Никакой серьезности момента!

- Это их выход психического напряжения. – примирительно сказал Платтен.

В купе повисло тягостное молчание. Его опять нарушила новая вспышка смеха.

Ленин не выдержал, решительно вскочил, вышел из своего купе и вошел в соседнее. При его появлении смех утих мгновенно и все замерли. Ленин, стараясь ни на кого не глядеть, особенно на Арманд, стремительными мелкими шажками приблизился к Равич, взял ее за руку и молча вывел из купе. И также молча отвел в самое дальнее и знаком показал – вот будешь здесь.

После их ухода Радек смущенно обвел всех оставшихся виноватым взором.

- Я буду говорить до России только шепотом.

- И – правильно. - поддержала его Арманд, поднялась, вышла в коридор к открытой форточке окна и высунула, как могла лицо. В нее ударила тугая волна свежего воздуха.

Что там – впереди?

Германия . Берлин. 9 апреля 1917 года. 19.30.

Вильгельмштрассе.

Кайзер мерил аршинными шагами широкую площадь своего кабинета, стеком ударяя себя по начищенным сапогам. Он не хотел вникать в то, что ему талдычит этот несносный Берген.

- Не понимаю вас, Берген. С какой стати нужно мое влияние, чтобы эти русские получили въезд в Швецию.

- Швеция не предупреждена о нашем плане. Мы не учли, что русские не продумали этого вопроса, - отвечал Берген, решивший или умереть здесь за этих чертовых русских, или добиться своего.

Кайзер смерил Бергена взглядом как взбунтовавшегося жеребца:

- А почему не продумали мы?

Берген знал, что может успокоить кайзера, и ответ у него был подготовлен заранее:

- Потому что мы немцы, и нам не понять – как можно не продумать проблему въезда в нейтральную страну заранее. У русских есть такое слово – авось.

Кайзер оживился:

- Вот как? И что оно обозначает?

Берген пожал плечами:

- Живем одним днем, а завтра что будет, то будет.

Кайзер и не понял, что направлен Бергеном на любимую им тему, и это означало, что буря в голове кайзера, обычно возникавшая, когда ему требовалось делать что-то самостоятельно, улеглась:

- Да, сложно. Поэтому они – не немцы. Только немецкая нация это – гармония порядка и дисциплины. И этим мы отличаемся от вонючих французов и глупых русских. Без нас, без нашего порядка Европа превратится в мусорное ведро, куда навозными мухами – да, да, Берген – налетят не только эти славяне, но и арабы, нехристи, и даже негры, и они будут в этих помоях жить припеваючи, и со временем дадут пинком под зад всем этим доброхотам...

Берген тактично кашлянул. Разумеется, он готов слушать любимого кайзера часами, но сейчас не тот случай к его великому прискорбию.

Кайзер скорчил недовольную мину, но Берген с таким несчастным видом развел руками, - проклятые дела не дают мне шанса быть рядом с вами, мой кайзер, что кайзер решил закончить с темой Бергена:

- Если шведы откажутся помочь нам, думаю нетрудно будет направить поезд через линию фронта. В этом случае можно туда запаковать всех оставшихся в Швейцарии русских А, Берген?

У Бергена на этот счет были другие мысли. Он живо представил прохождение поезда через линию фронта, где его бы с равной ретивостью покрыли артиллерийскими залпами и немцы, и русские, но не стал развивать картинку дальше и ответил сдержанно:

- Неплохая мысль, мой кайзер. Я ее обдумаю, но пока рассчитываю на шведский вариант.

Кайзер, сказавший речь о немецком роли в Европе, уже был беззаботным, оттого и наполненным самыми разными идеями, с которыми он стал делиться с Бергеном:

- Кстати, скоро грядет пасха, почему бы вам не позаботиться – порадовать русских, как только они будут проезжать наши земли, - раздав им листовки с моим пасхальным посланием к немецкому народу. Пусть оценят

наше великодушные и лучшие чувства, несмотря на войну между нами? А, мило, не находите, Берген?

Берген ответил лаконично:

- Как прикажете, мой кайзер. Уверен, эти листовки поднимут их настроение перед возвращением в Россию.

Кайзеру не очень понравился не ответ, а тон ответа. Но Берген излучал преданность и внимание, поэтому Вильгельм решил, что ему послышалось. Впрочем, время заняться другими делами. Он сказал:

- Давайте ваш текст моему шведскому другу. Ну-ну, уверен, что он у вас в папке. Кстати, где сейчас вагон с русскими?

Берген замешкался ровно на две секунды:

- Думаю, уже на границе.

Швейцарско-германская граница. 10 апреля 1917 года. 00.17.

К небольшой пограничной станции медленно подходил обычный пассажирский поезд. Расположенные вдоль пути прожектора, чтобы не слепить пассажиров были опущены ниже горизонтали, и от того станция походила на некий полуволшебный призрачный палисад, если бы не чуждые этой ночной пасторали люди в форме.

Паровоз остановился, шумно выпуская пар.

Наступила тишина.

В вагоне напряженная тишина повисла еще раньше, когда кто-то крикнул – Граница. Как по неведомо кем отданной команде все сначала замерли и стали физически ощущать замедление хода поезда. И это замедление скрадывало все напускное веселье, выплескивая тревожное ожидание. Вот послышался визг тормозов. Тишина вагона схлестнулась с тишиной станции в единое полотно, хлестнувшее по сердцам.

И тут же эту тишину распороли голоса швейцарских пограничников и таможенников.

Все, невольно сжавшись, расселись по купе, ловя каждый звук, каждый шорох.

Какие-то шаги протопали возле вагона, раздался грохот открываемой двери, и вагон наполнился беспечными, грубоватыми, шумными пограничниками.

Нервировало все - и свет фонариков в лица, и осмотр сидений. Равич демонстративно вытащила и поставила на стол свои вещи. Молодой пограничник посмотрел на нее, покраснел и ушел.

В конце вагона кто-то из пограничников сцепился с Платтенном. Слыша его плаксивый упрасивающий голос, Ленин от беспомощности дергался, вслушивался и тут же зажимал уши руками. Крупская испуганно смотрела в приоткрытую дверь купе.

И хотя было понятно, что это – швейцарская граница, и ничего ужасного здесь быть не может, но нервы уже накалялись, все готовились к границе



следующей – германской. И коль тут особо не церемонились, то что ждет их там, на другой, немецкой станции?

Тем временем Платтен коршуном вился вокруг новой беды - таможенников, подчистую выносящих из вагона съестные припасы, заготовленные им лично - Платтенем.

В служебном купе эти припасы были аккуратно заставлены под самый потолок, и Платтен гордился тем, что ему удалось не оставить русских товарищей голодными. И вот какой-то жадный таможенник, открыв купе и подобрев лицом, сразу же спросил Платтена – контрабанда? И как ни бился Платтен, как ни пояснял вдруг ставшему глухим земляку в таможенной форме, что это подарок его партии русским пассажирам, - без толку. Таможня имеет категорическое распоряжение – продукты в Германию без соответствующего разрешения – это контрабанда, ибо Германия – воюющее государство, и там не поймут – что за щедрость для кого бы то ни было, тем более, для русских. Не они – так на немецкой границе все отнимут.

Платтен выслушивал все это с обреченной готовностью пожертвовать продуктами, лишь бы убирались отсюда. Его швейцарское достоинство восставало против этого бесстыдного грабежа, но ведь и он, не говоря уж о пассажирах вагона, а ли не бесправным.

Он попытался пристыдить таможенников, но с таким же успехом он мог бы стыдить паровоз.

Вынеся последний ящик, швейцарский таможенник весело похлопал Платтена по плечу, пожелав удачного пути.

Вагон опустел сразу. Таможенники и пограничник улетучились, и непонятно было – прошел уже контроль или он еще впереди, а пока всего лишь налетела шайка мародеров.

В купе Ленина появился разгоряченный и растерянный Платтен. Он сел на краешке скамьи, вытер рукавом лицо и удрученно, заикаясь и чуть не плача, высказался:

- Неслыханно! Негодяи!

- Что они хотят? – слабым голосом спросил Ленин, который за все это время сидел, уткнувшись в угол и носа не показывая в коридор.

Платтен развел руками:

- Они требуют оставить на границе наше продовольствие. Подчистую вынесли. Все. Это же грабеж...

- А с нами что? – тем же голосом спросил Ленин снова

- На этот счет они молчат...

Крупская, по-бабьи вздохнув, поправила волосы, завязала их в узел, прворчала:

- Может, так и надо.

- Да воруют они! Знают, что мы и слова сказать не вправе. Мне стыдно за них. Они оскорбляют меня, Швейцарию... - наконец Платтен дал волю своему возмущению, и это было настолько не похоже на этого добряка и флегматика, что Ленин невольно улыбнулся. Он еще не верил, что здесь, на этом пункте ничего плохого, в общем-то, не произошло.

И, как бы подтверждая его догадку, около купе возник Цхакая, затем подбежал к двери, воровато выглянул из вагона, затем вернулся в купе к Ленину.

- Все, ушли.

Платтен горестно воскликнул:

- Мы теперь без еды...

Цхакая улыбнулся сардонически:

- Они оставили сахар и шоколад...

- Что? – недоверчиво переспросил Ленин.

- Сахар и шоколад. – повторил Цхакая.

У Ленина на глазах отразилось недоумение, он обвел мутным взглядом всех троих – вздыхающую Крупскую, горестного Платтена, невозмутимого Цхакая, - и вдруг зашелся истеричным смехом, стуча себя по коленкам, как по барабану:

- Сахар... шоколад... как благородно... Фриц, как благородно...

В этот момент поезд дернулся, еще раз и медленно тронулся дальше. Возникла то темнота, то снопы света – за окнами проплывали фонари, которые опять сменили уткнувшиеся в землю прожектора.

Поезд шел медленно, даже постанывая, потому что огибал широкой дугой каменистый холм. Казалось. Что на рельсы положили колючую проволоку, и стальные колеса преодолевают ее с надрывом.

Ленин смеялся уже урывками нервическим смешком, повторяя и покачивая головой:

- Как благородно, а?...

Вскоре поезд опять стал замедлять ход, вливая в лучи холодного яркого света. В этом месте все было не похоже на оставленную Швейцарию. Не только свет, но и воздух, и темные ниши между прожекторами выглядели мертвенно-холодными и не сулящими ничего хорошего. Мелькнули силуэты в военной форме мышинового цвета.

Поезд остановился.

Ленин робко посмотрел в окно:

- Вот и Германия...

Платтен и Цхакая быстро ушли к себе. Ленин сжал до хруста ладони и исподлобья взглянул на жену. В его глазах плескался страх:

- Надюша, как думаешь, сколько нам осталось жить?

Стала явственно слышна властная гортанная немецкая речь. И хотя почти все политэмигранты сносно владели немецкий языком, им почудилось, что они слышат незнакомую, пугающую своей отрывистостью и схожую с лаем речь, речь лишенную даже намеков на теплоту и доброжелательность.

Уныние незримым туманом уже вползло в вагон. Стало зябко.

Как ни ждали гостей, они явились внезапно – в коридоре показался немецкий пограничный наряд...

Офицер, жуящий губами, хлопал снятой перчаткой себя по второй, одетой на руку. Его сопровождали два грузных солдата, на груди которых мотались алюминиевые бирки с выбитыми номерами. Офицер подозрительно

осматривал вагон. Он тоже не совсем понимал, что происходит, но не подавал виду. По паспортам, которые ему предъявили пассажиры этого вагона, выглядело все настолько странно, что можно было подумать, что мир сошел с ума. Такого он еще не видел за свою карьеру. Но сам решать что-либо офицер не хотел, потому задумчиво шел по коридору вагона. Наконец, последовал короткий приказ.

Крупская встревожено всполошилась, норовя заглянуть за прорезь приоткрытых дверей купе.

- Что он сказал?

В купе быстро вошла бледная Арманд и поглядела на Ленина:

- Володя, он приказывает всем выйти.

Ленин ссутулился, покорно кивнул:

- Надо подчиняться. Мы на их территории.

Все политэмигранты, включая и женщин, испуганно вышли из вагона, и затравленно озирались.

Немецкие пограничники поторапливали их грубоватыми окриками, в которых все же слышалась и какое-то недоумение, и сопровождали в зал таможенного досмотра.

Начальник таможенного досмотра, подавив удивление, надменно осмотрел всех, обменялся взглядом с офицером-пограничником всех и жестами показал – мужчины отдельно, женщины отдельно.

На этот раз слова немца были предельно понятны, опустив головы от стыда и страха, политэмигранты чуть ли не бегом покорно последовали указаниям.

Их поставили у противоположных стен, напротив друг друга. И ни о чем не спрашивали.

Немецкие пограничники медленно проходили мимо них, пытливо разглядывая. Под их взглядами все невольно опускали глаза, готовые разрыдаться от унижения и ужаса – все кончено.

Ленин стал у самой стены, мужская часть эмигрантов попыталась его окружить, как бы заслоняя. И поэтому невысокому Ленину не были видны нагло-удивленные взоры немецких пограничников. Впрочем, Ленин низко опустил голову. Только по дрожащим пальцам можно было заметить его состояние.

Зиновьева трясло, он никак не мог совладать с дрожью, пробивающей все его тела толчками. Его полные губы шептали:

- Все пропало. Они нас предали. Сейчас арестуют и...

Радек, он тоже стоял у стены недалеко от поникшего Ленина, тоже был в отчаянии:

- А меня расстреляют... я же австрийский подданный, должен быть на фронте... расстреляют как дезертира. Тут же... Боже, помоги...

А в натопленном кабинете начальника немецкого таможенного пункта его хозяин - высокий плотный мужчина сорока лет разговаривал с командиром немецких пограничников.

- Что за странное сборище? Юрген, ты понимаешь что-нибудь?

Пограничник Юрген, моложавый и сухопарый мужчина, теребил пуговицы на мундире:

- Я телеграфировал руководству. Жду ответа. Если это. дай Бог, диверсанты...

- Какие диверсанты? В таком количестве? – махнул рукой начальник таможни. - Это какие-то полоумные...

Юрген пожал плечами:

- У них русские паспорта, хотя там почти все евреи... Может это какая-то акция, о чем нам не успели сообщить? Давай подождем, а то поспешим, затем не порадуемся.

Начальник таможенного пункта подошел к буфету, открыл дверцы и налил из бутылки две крохотных рюмочки. Передал одну коллеге - пограничнику:

- Хорошо. Пусть постоят, не умрут.

В женской группе эмигрантов тоже были близки к панике, и если бы безнадежное отчаяние не сковало ноги, все бы побежали пока не почувствовали бы на себе веревки или того хуже.

- Это ужасно, мы уже стоим полчаса. – пыталась казаться обиженной Инесса Арманд, чтобы продемонстрировать достоинство задержанных.

Равич же совсем упала духом:

- Они нас увезут или прямо здесь...?

Крупская одернула ее:

- Они же все-таки цивилизованная нация...

- Надюша, цивилизаций больше нет. Все уничтожила война, - хмыкнула Инесса.

- Что будет, что будет, - повторяла Крупская, она безумно боялась за Володю, и от этого страдала вдвойне – и за себя, и за него.

Равич, провожая глазами прошедшего пограничника, процедила сквозь зубы:

- Мы для них шпионы, и этим все сказано. Понимают ли они французский?

- Зачем это? – не поняла Арманд.

- Будут расстреливать, я буду петь Марсельезу на французском.

Прошла минута, за ней еще пять. Все оставалось по-прежнему. Время словно бы застыло в этой точке земли, ожидая, а – собственно, что тут получится. Оцепенение политэмигрантов не проходило. Они ожидали всякого, но чтобы вот так сразу – прямо на границе, без всяких объяснений их, как стадо баранов, бесцеремонно вытряхнули из вагона и поставили к стенке – уже! – это было для них сильнейшим потрясением.

Ленин чувствовала себя уничтоженным. Как он, он! – как он мог положиться на немцев, зная об их коварстве и совершенном бесстыдстве! Попался как кур в ощип, да еще с собой притянул три десятка людей, поверивших ему так же, как он доверил себя подлым немецким властям.

Любопытно, а что будет с Платтенем? Его отпустят или – как пособника русских шпионов, тоже заодно?

Мысли Ленина потеряли стройность – он не мог аналитически думать в критической ситуации, именно когда эта ситуация возникала не планомерно и неожиданно. Ему требовалось время, чтобы сосредоточиться и продумать свои действия. Но у стенки он сосредоточиться не мог, и оставалось только покорно ожидать развития событий и своей участи.

Через таможенный пункт спешит немецкий солдат. В его руках виднелась змейка телеграфной ленты. Все задержанные трепетно наблюдали за этим солдатом, понимая, что решается их судьба.

Радек выразил общее мнение:

- Это наш приговор... побежал, судорожно сглатывая, прошептал он.

Прошло еще несколько страшных томительных минут.

Наконец показались начальник таможенного пункта и командир пограничников. И политэмигранты не поверили ни своим глазам, ни ушам:

Оба офицера приложили хладнокровно к фуражкам ладони, как бы отдавая честь:

- Мы вас больше не задерживаем. Прошу, господа. в вагон. Быстрее.

Вот тут-то слез больше не сдерживали. Даже мужчины. Все торопились в вагон. Быстрее от этого страха, от этого кошмара, от этого позора. Теперь вагон представлялся крепостью, родным домом, местом, где тебя никто не тронет. Он манил к себе как защита и надежда на лучший исход.

Ленин, пошатываясь, вошел в купе и обессилено сполз на скамью, застыв изваянием.

Тут же вошли Крупская и Арманд. Они с разных сторон подсели к нему. Он молча обнял их. Крупская плакала ровно и громко, Арманд сотрясали импульсы рыданий и короткие слабые стоны. Ленин ласково гладил их обоих по головам, и его руки дрожали.

Зазвучал протяжно паровозный гудок. Вагон дернулся и пошел, пошел, покачиваясь. За окном медленно проплыли снова фонари, убыстряясь и убыстряясь и превращаясь в огненную гирлянду, которая тут же оборвалась, и за окном возникла уже не пугающая, а располагающая темнота. Теперь стоило бояться не темноты, а света.

Вагон стал размеренно качаться, вместе со стуком колес убаюкивая истерзанных пассажиров – все прошло, все позади...

Берлин. 10 апреля 1917 года. 09. 43.

Вильгельмштрассе.

Резиденция Министерства иностранных дел Германии.

Берген, невыспавшийся и злой, тучей носился по кабинету и на чем свет стоит распекал Шкларца. Его пенсне метали молнии, и Шкларцу хотелось уклониться от их разящего огня, но было некуда. Оставалось терпеть.

- Георг, черт вас возьми, почему на границе возникло недоразумение, которое напрочь могло сорвать всю операцию? Почему меня будят среди ночи из-за того, что олухи в нашем пограничном ведомстве вовремя не получают важные правительственные указания?

Шкларц пролепетал:

- Военное время, возможны сбои...

Берген коршуном подлетел к нему и помахал пухлым пальцем прямо перед носом Шкларца:

Это – отговорка. Это песенки для нищих на паперти! Вы понимаете – что могло произойти?

- Понимаю, - поник Шкларц.

Берген взвился:

- Думаю, не совсем. Это могло стоить вам и мне карьеры, а для Германии – обернуться новыми потерями и осложнениями на восточном фронте. Это – политика, Шкларц! Ошибки такого рода – смертельны. Я уже отдал распоряжение о расследовании инцидента, и, не сомневайтесь, виновных накажут по всей строгости военного времени, как саботажников. Как вас наказать – я еще буду думать.

- Я готов нести любое наказание.

- Понесете, - убежденно сказал Берген. – Если нашего главного русского друга хватит удар от ваших проколов, то я похороню вас с ним вместе! И цветы к вам на могилу никто носить не будет. Не сомневайтесь!

- Я готов понести любое наказание. Ослов нужно наказывать. – самокритично ответил Шкларц.

Берген тяжело выдохнул. Не то, чтобы он выдохся, но сотрясать воздух можно бесконечно, но сотворенного не воротишь.

- Что с нашим человеком в вагоне русских?

- Ленин, как вам известно, потребовал, чтобы кондуктора сняли с вагона. Мы вынуждены были согласиться.

- Это плохо, очень плохо, - бросил Берген. - Нам нужны свои глаза и уши там. Мы должны знать, чем дышат русские. Наконец, наш человек должен быть посредником в улаживании любых непредвиденных ситуаций, вроде той, что была на границе.

Шкларц, уловив перемену в настроении руководства, тоже перешел на деловой тон. Поняв, что пока ему ложиться в могилу рановато:

- Мы уже работаем над этим. Дело осложняется тем, что согласно договоренности никто из вагона, кроме швейцарца Платтена, не имеет права покинуть его. Мы отметили, что это условие выполняется, судя по остановкам в Швейцарии. Только ему дозволено выходить на станциях, покупать газеты и еду, а также пиво.

- Что? Пиво? – не понял Берген.

Шкларц подтвердил:

- Так точно. Платтен покупает пиво для Ленина и Зиновьева, они очень любят его.

Берген потер себя по затылку:

- М-да, какой же русский не любит немецкого пива? М-гм... Да, Георг, мне донесли, что швейцарские пограничники изъяли продукты у русских. Эти сыровары обнаглели – и так рожки лоснятся от жира, и им все мало... Требую – незамедлительно изыскать все возможности, чтобы на ближайшей станции, кажется, это будет Карлсруэ, русским было дано все необходимое продовольствие. Они сейчас напуганы и способны натворить что угодно. Надо их успокоить этим жестом.

- Все будет исполнено.

Берген отвернулся от него и дал последнее распоряжение стоя спиной к Шкларцу, что означало разочарование своим сотрудником:

- И заметьте, я очень недоволен началом хода операции. Не вам, а мне объясняться с кайзером, который будет очень рад размазать меня на конюшне своими шутками.

Шкларц склонил голову, и быстро вышел из кабинета.

Берген подошел к окну. Затянутое тучами серое берлинское небо уже сеяло на мостовые и на крыши капли дождя. Скорее бы все это кончилось.

В это же самое время вагон катил по Германии.

Осунувшаяся Крупская безучастно смотрела в окно. Ленин с накинутым на плечи пальто пил чай. Рядом сидел Зиновьев и тупо смотрел в пол.

- Скорее бы это все кончилось, - пробормотал он.

- Я почти не вижу юношей и мужчин. Как корова языком слизала, - не отрываясь от окна произнесла Крупская.

- Это война их слизала, - отозвался Зиновьев.

Крупская кивнула:

- Едем как по пустыне. Вы заметили, как в Германии измождены люди. Они голодны!

Зиновьев откусил большой кусок плитки шоколада, отпил большой глоток чая из своего стакана:

- Как же. Германия обречена. Вон, вроде договорились, а на границе какого страху на нас нагнали. Потом – с извинениями, накладка вышла. Где хваленый немецкий порядок?

Ленин возразил:

- Это – исключение. Немцы – очень развитая цивилизованная нация, предельно усвоившая законы порядка и дисциплины. У них нам есть чему учиться. Эта нация способна зарядиться единой идеей и следовать ей до последнего человека.

- Ну да. Это я заметил. Она уже почти три года слепо следует идее своего кайзера... - скептически отозвался Зиновьев.

Ленин уже снова стал Лениным, уверенным в себе и активным. Его мозг ночью прокрутил все происшедшее, аналитически выявил все pro и contra, и пришел к выводу – налицо некая удивительная для немцев несогласованность, которая была исправлена. И то, что она была исправлена, внушило ему веру в благоприятный исход всей акции – немцы в самом деле заинтересованы в их перевозке через свою страну. Будь иначе – граница –

идеальное место для сведения любых счетов. В самой стране сделать это незаметнее куда сложнее, если, если, конечно, речь не идет о какой-то очень крупной провокации. Но для чего немцам организовывать провокацию с использованием русских политэмигрантов? Выгоды от нее будут мизерны. Сам искушенный политик и знаток всевозможных ловушек и провокаций, Ленин сомневался в этом. И все же расслабляться не следовало.

Он взглянул на Зиновьева и мягко усмехнулся:

- Скоро немецкая нация опомнится, когда в сознание немецкого пролетариата крепко будут вбиты наши идеи мировой революции. Они, эти идеи, уже парят на фронтах – пока аморфными братаниями, но – дайте срок... Здесь тоже вспыхнет революция... Да, Германия... Образцовая нация. Увидите: через 20-25 лет они пролетарскими колоннами придут к нам как братья, объединенные идеей всемирного коммунизма... И мы еще будем у них учиться...

Постучав в дверь купе, вошел Платтен. За его пухлой фигурой высился Цхакая.

- Владимир Ильич, скоро будет крупная станция – Карлсруэ. Похоже, будем стоять долго. Что купить? – спросил Платтен.

- Как обычно. Газет. – Ленин покосился на Цхакая. - Ну... и как обычно. Ты знаешь.

Платтен молча кивнул и исчез. За ним исчез и Цхакая.

Зиновьев допил чай, поставил на столик пустой стакан и, кивая, на закрывшуюся дверь купе, спросил:

- Владимир Ильич, все хочу спросить, а зачем ты выбрал для охраны этого Миху Цхакая? Не хочу ничего сказать плохого – но это какой-то одержимый дикарь.

Ленин улыбнулся. К нему вернулось хорошее настроение. Его интуиция молчала – значит, выводы, сделанные ночью о честных намерениях немцев верны. То, что пришлось чуть поунижаться и поробеть – это нормально для революционера, ибо он должен быть готов к любым испытаниям.

Игра началась. Пока она идет по немецким правилам, и не стоит их нарушать. Ленин ощущал прилив сил, и ему хотелось работать. Сколько еще нужно сделать. Да, его «Письма из далека» уже напечатаны в России, но этого мало, надо составлять тезисы программы, которая превратит эту буржуазную революцию – в ленинскую. Истинную коммунистическую революцию. О чем это спросил Зиновьев? Ах, о Цхакая:

- Это – верный человек. Кавказцы – очень верны, если их приласкать, если приравнять, сделать своими союзниками. Пусть они в какой-то степени варвары, но лучше иметь варваров в друзьях. Они любят запах крови. Так пусть ее проливают за наше дело.

Зиновьев помедлил, осмысливая услышанное, и согласился со словами Ленина:

- Пожалуй, да. Сужу по известному мне типу – Ивановичу. Сейчас он сменил псевдоним на - Сталин. Такой же дикий, но полезный, видно, что фанатик нашего дела.



Ленин прищурился, припоминая:

- Иванович? Сталин? Я его плохо знаю. Могу сказать, что эти люди великолепны на вторых ролях, и их необходимо использовать в наших целях. Но им нельзя давать первые роли, в них испокон веков в головах царит азиатчина. Окажись они первыми, и они припомнят все всем тем, кто когда-то ими управлял. Припомнят в духе Тамерлана и Чингисхана – хитро, жестоко, мгновенно.

Зиновьев рассмеялся:

- Ну, слава Богу, у нас Россия велика, чтобы в ней правили азиатские варвары. Найдутся свои, славяне!

Крупская услышав смех и Ленина, и Зиновьева, уже и сама оттаяла от событий прошлой ночи. У нее тоже возникла необходимость шутить и смеяться:

- Григорий Евсеич, это пахнет великорусским шовинизмом.

Ленин залился звонким смехом:

- Да, батенька. Уела тебя Надюша! Верно. В мировой революции национальность будет важна, а преданность идее революции.

Зиновьев обескуражено посмотрел на вождя русского пролетариата – шутит он или серьезно? И обиженно хмыкнул:

- Да? Вы хотите сказать, что если там негр или чухонец, или эвенк станут вышколенными фанатиками идеи мировой революции, то они отодвинут в сторону умных интеллигентных грамотных профессионалов лишь потому, что они, то есть мы, не так фанатичны, ибо более умны?

Ленин, смеясь, кивал головой:

- В идеале да. Но в реальности, пока не бойся. Немало нам еще надо потрудиться, чтобы и негры, и индийцы осознали правоту наших идей. А по мне – такие как Цхакая или этот... Сталин, важнее для нашей партии, чем тысяча говорунов а ля-Плеханов. Пусть они с присущей им тупостью и неразвитостью но – делают дело, чем некие умницы будут сибаритствовать и теоретизировать, и погубят это дело в прах... Потому что дикий но преданный не будет миндальничать – друг или враг перед тобой, если речь идет об интересах партии, а наш слюнвявый умный интеллигент будет размазывать сопли в духе Алеши Карамазова... Никакой толстовщины и Достоевщины – и в этом преимущество кавказских товарищей – ни толстовщина, ни Достоевщина им незнакомы и неведомы... Зато им введена преданность и жестокость – самые нужные нам качества для победы революции... Жаль, что Нечаев не догадался использовать эту массу... Что это? – Ленин напрягся

Зиновьев и Крупская недоуменно посмотрели на Ленина. Покрутили головами. Никакой опасности вроде не видно.

- Пахнет дымом... - уточнил Ленин.

Зиновьев выдохнул облегченно:

- Ах, это. Это наши товарищи курят... От нервов. Дымят не хуже паровоза.

Ленин закашлялся

- Безобразие. Прикажете им – пусть курят в тамбуре...

Поезд стал затормаживать. За окном возникли очертания большой станции. Мимо окон вагона проплыл неказистый вокзал. Поезд останавливается. Все прикинули к окнам – вот он первый немецкий город.

- Карлсруэ! – воскликнул Зиновьев.

Крупская выглянула в окно:

- Посмотрите, какая кругом бедность. Одни женщины, как они худы...

Ленин жестко поправил жену:

- Это – немецкие женщины, они все выдержат. У них развит дух. Нам бы привить такой в России. Заодно – привить такую же любовь к труду и порядку... - он снова закашлялся. - Нет, это становится невыносимым, я просто тону в дыму.

Зиновьев с готовностью вскочил:

- Поезд стоит. Вытяжки воздушной нет, а товарищи волнуются, сойти нельзя, вот и ... курят. Пойду угомоню...

Зиновьев чуть не сбил вошедшую в купе Инессу Арманд, извинился и исчез в коридоре вагона.

Арманд поздоровалась и села возле Ленина.

Ленин потянулся и зевнул:

- Я подремлю. Ночью какая-то ахиня снилась, не выспался...

Крупская оторвалась от окна, улыбнулась Володе и Инессе. На душе у нее скребли кошки, но так надо Володе. Молодец, все же Инесса, как она благотворно влияет на мужа, а ему нужен сейчас покой и покой.:

- И то дело. Инесса тебя убаюкает. Она умеет тебя успокаивать лучше, чем я.

- Ну вот уж, - смутилась Инесса

Ленин поставил окончательную точку:

- А Надюша права. Я вот лягу, а ты, Инесса, посиди рядышком.

Сойдя с вагона, Платтен подошел к дежурному по вокзалу, с любопытством оглядывая убогую обстановку вокзала. Вокруг все выглядело неказисто и бедно, хотя эта неказистость и бедность скрывались за тщательной чистотой и ухоженностью. И сам дежурный, хмурый, пожилой и хилый, был одет опрятно и не вызывал той жалости, которая возникает при виде убогих и сирых.

- А когда отправится вон тот поезд? – Платтен махнул рукой на свой вагон.

Дежурный степенно оглядел Платтена, отметил его розовощекость и акцент и нахмурился еще больше:

- Да вряд ли по расписанию. Сейчас должны пропустить два встречных эшелона, и еще один – литерный на восток. Так что часа три не меньше придется ждать. А вы, осмелюсь предположить, издалека. Выговор у вас не наш.

- Да, я из Швейцарии. Фриц Платтен, имею честь, - представился он..

Дежурный покачал головой.

- Эж вас занесло к нам в такие времена, черт их подери! Куда едете?

- В Стокгольм, - с готовностью ответил Платтен.

Дежурный снял свою форменную фуражку, потер ее рукавом и надел снова:

- Ну, теперь на это суток трое уйдет. И то – если трое... Извините, война...

- Знаю. Всего хорошего, - откланялся Платтен.

Он оглянулся и увидел большую телефонную будку. В Карлсруэ жила его хорошая знакомая, и он решил провести ее, благо, поезд пойдет нескоро.

Ему повезло, та, которой он звонил, оказалась дома:

- Лизи? Как хорошо, что застал тебя. Я с оказией здесь, в Карлсруэ. У меня есть время, и хотел бы тебя увидеть. Да? Ты живешь все там же? Я скоро приеду, от вокзала недалеко, помню. Только сделаю одно дело.

Платтен положил трубку на рычаги, вышел из будки и быстро направился к буфету. Он купил все что нужно - пиво, продукты. Корзины оказались тяжелыми, как это он не рассчитал.

Он растеряно посмотрел по сторонам. Два немецких солдата неторопливо шли по перрону. Явно – не из патрульных.

Платтен попросил их помочь донести корзины до вагона и протянул деньги. Солдаты довольно кивнули, подхватили корзины и поспешили к вагону.

Поставив Козины у двери, они застучали по ней требовательно и громко в дверь. Как раз за дверью стоял Радек и курил. Он ни о чем не думал, молча пуская лучи дыма, когда услышал стук.

Радек поначалу испугался, но стуки оказались настойчивыми, и он нехотя открыл дверь.

Солдаты, несмотря на него, быстро втащили корзинки в тамбур и повернулись к выходу. В Радеке проснулось любопытство:

- Это – нам? – спросил он на немецком.

Первый солдат, старше среднего возраста мужчина с рыжими выцветшими усами, кивнул:

- Да, нас попросил принести это сюда маленький господин.

Радек успокоился:

- А, Платтен. – и вдруг, хитро посмотрев на солдат, спросил как облил водой. - Ну, как, надоела война?

Второй солдат, со шрамом через всю щеку, хмурым взглядом окинул молодого щеголеватого Радека:

- Вижу, что господин не воевал. Спрашивает, точно ел я на завтрак сосиски с капустой или горох с требухой?

Радека, между тем, понесло. Он испытывал шальной приступ задора и ему хотелось проявить себя, пусть Ленин знает, на что он способен – не только на смешные выходки, но и на серьезную большевистскую работу:

- Вы правы. Я против войны. Ее давно пора кончать.

Первый солдат переглянулся со вторым:

- Смелый господин...

- А говорит правильно! – решительно ответил второй.

Радек воодушевился и заговорил громче:

- Есть только один путь прекращения войны.

Солдаты уставились на него:

- Какой же?

Радек стал в позу Демосфена:

- Это путь революции. Как в России. Там сбросили царя, так сбросьте своего кайзера. Поверните штыки против эксплуататоров. (солдаты недоверчиво переглядываются). Ведь по вам вижу – раньше были рабочими оба. Так ведь?

Первый солдат растерянно ответил:

- Ну. Я был шорником в Лейпциге.

Его приятель дополнил:

- А я красильщиком на заводах Маннсмманна в Эрфурте.

Радек излучал уверенность и энергию. Он ощущал себя профессиональным агитатором:

- Ну вот! Вы – пролетарии. А за что воюете? Против кого? Против таких же русских или французских рабочих? Ведь Маннсмманн сам не воюет? Вот тот-то. Вы – часть всемирного пролетариата, который должен объединиться и единым фронтом погнать всю эту капиталистическую шваль к черту... Понимаете – к черту!

Внезапно Радек осекся. У двери тамбура на перроне стоял немецкий офицер и внимательно смотрел снизу прямо на Радека.

Солдаты, завидев офицера, замирают по стойке смирно. Офицер зло перевел взгляд на них и жестом приказал им выйти из тамбура. Он потребовал солдатские книжки.

Радек стоял ни жив, ни мертв.

Офицер в это время обрушился с руганью на солдат и прогнал их. Затем перевел тяжелый ненавидящий взгляд снова на Радека.

- Это – вагон русских эмигрантов? Отвечать!

Радек испугано вытянулся и сделал руки по швам:

- Да, то есть, так точно!

Офицер, больше не удостаивая Радека взглядом, повернулся куда-то в сторону и скомандовал:

- К этому вагону.

По его команде появились солдаты интендантской службы и споры стали вносить в вагон коробки с продуктами...

Радек, воспользовавшись этим, тихо улизнул в свое купе. Он закрыл его изнутри, не отвечая на недоуменные взгляды Сафаровых и залез на верхнюю полку и затих.

Ленин проснулся от того, что за дверью его купе стоял страшный галдеж. Арманд тоже явно нервничала. Ленин прислушался.

В коридоре вагона красный, как вареный рак, Платтен общался с двумя немецкими офицерами, щеголеватыми и высокомерными.

- По какому праву вы устраиваете здесь революционную агитацию? – наседали на Платтена более высокие и более молодой офицер.

- Я только что вернулся, я ничего не знаю. – честно отвечал бедный Платтен, но офицеры воспринимали его слова как жалкое оправдание и брезгливо морщились.

- Офицер-интендант доложил о факте агитации немецких солдат. Вам было предписано не покидать вагон и не вступать ни в какие разговоры с немецкими гражданами, тем более – солдатами, - обрушивался на Платтена второй офицер с темными от гнева глазами.

- Вы понимаете, что вы нарушаете всякие договоры и приличия? Мы вынуждены задержать поезд и сообщить в Берлин о совершенном. – вворачивал свой поток слов на голову Платтена первый офицер. - Какие последуют приказы в отношении вас – неизвестно. До этого всем быть в вагоне, вагон наглухо опломбируется. Выставляется охрана. Любая попытка выйти из вагона будет рассматриваться как диверсия со всеми вытекающими последствиями законов военного времени.

Платтен оглянулся на коридор. Там никого не было, коридор, как и весь вагон, казался вымершим:

- Какие могут быть еще последствия. – побледнел Платтен.

Первый офицер наклонился к нему и проговорил отдельно и медленно, чтобы до Платтена и – кто там еще – дошли его слова:

- Я бы с радостью расстрелял весь этот вагон, но я – человек военный и подчиняюсь приказам. И вынужден терпеть и прислуживать врагам великой Германии.

Второй офицер постарался смягчить эмоции своего коллеги. Он сказал более спокойно:

- Ваше поведение непозволительно. Если вы не примете немедленных мер по поддержанию должного поведения в вагоне, то эти меры примем мы. Вы – понимаете?

Офицеры повернулись и не простившись вышли из вагона.

Платтен стоял уязвленный и как оплеванный. За что его как последнего бродягу разругали эти немцы? У него мгновенно пропали все приятные воспоминания от встречи с Лизи.

Из своего купе появилось лицо Радека:

- Господи, повезло. Ушли...

И тут открылась дверь купе Ленина. Ленин, измученный и осунувшийся, с блестящими от гнева и от страха глазами, прокричал на весь вагон:

- Радек!

И в его взгляде читались отвращение, злость, усталость.

Радек побитой собакой уполз в свое купе.

Ленин недовольно посмотрел в коридор.

- Так продолжаться не может. Это... это какой-то бедлам, а не организованное сообщество. Прекратить курить. Отныне курить в коридоре и тамбурах никто не будет. Я решаю этот вопрос единолично на правах...на правах... всем известно на каких правах...

Цхакая уже стоял рядом с разгневанным Лениным и мрачно обводил взором вышедших из своих купе людей, толпящихся по коридору.

Ленин подождал и фальцетом выкрикнул:

- Курить отныне можно будет... в туалете. Пропуск в туалет буду выписывать я. Надюша! - Ленин повернул голову к своему купе. - Сделай билетики, я их буду выписывать на право пользования туалетом по очереди всем!

Он круто повернулся и скрылся в купе.

В коридоре послышалось брожение. Через некоторое время почтительный стук в дверь ленинского купе означал что его требование или не поняли, или не приняли. Ленин недовольно кивнул Крупской. Чтобы та открыла дверь. Он уже приготовился к схватке. Да, да, да!» Только борьба и только работа помогут ему не сойти с ума в этом вагоне. Сейчас, судя по всему, наступало время борьбы – в виде дискуссии с товарищами по поводу отданного им распоряжения. Ну что же, извольте!

Нельзя распускать даже своих товарищей, нужно держать всех в узде. Только дисциплина и повиновение. Иначе – его примут как идейного вождя, но не всеобщего. Нужно – да, нужно – быть тираном и деспотом, ибо так утверждается власть. Утверждается мессианство. Не через христианское милосердие, а через жестокость. Революция не строится на соплях. И он осознал это. и он докажет это другим. Через свою волю. Он имеет право на выражение этой воли, потому что он – революционный мессия. Кто готов ему возразить?

На пороге возникла делегация из двух человек – Сафарова и Ольги Равич.

Сафаров, покрываясь красными пятнами исподлобья смотрел на подбоченившегося Ленина, прожигающего его стальным взором, в котором не было ничего доброго:

- Товарищ Ленин, мы пришли к вам как назначенные делегатами от всего нашего вагона...

Равич всунула и свою реплику:

- Мы хотим заявить наш всеобщий протест против дискриминации наших свобод...

Ленин тихо, но с угрозой спросил, будто бы не поняв поначалу о чем идет речь:

- Каких свобод?

Сафаров опустил голову:

- Мы имеем право на свободу пользоваться туалетом.

Ленин начал вкрадчиво, но с каждым новым словом в его тоне все явственнее сквозила твердая убежденность:

- Свобода – это архибестолковщина. Мы уже сутки в вагоне, где вы были полностью свободны. И к чему это привело? К анархии! Вот она – российская душа. Вам противопоказана свобода, только билетики, только в указанном направлении. По очереди. Только так здесь можно навести порядок.

Сафаров не верил своим ушам и тряс головой, словно пытаясь сбросить с себя магию ленинской убежденности:

- Но это противоречит демократическим принципам?

Ленин снова взглянул на него, словно гладиатор на поверженного противника, в ожидании – что ему даровать – жизнь или...:

- Демократия возникает через потребность в дисциплине. Крутой и жестокой. Демократия – это подавление своих мелких потребностей в угоду единому и великому делу.

Равич хмыкнула:

- Даже через билетки?

Ленин теперь в упор смотрел на нее:

- Да-с! Даже через билетки. И если надо, не только вагон, но и вся Россия будет построена в очередь, и по билетикам, выстраиваясь в очередь, пойдет по своей дороге к счастью. Потому что в России – как в этом вагоне – дым, галдеж и бардак... Потому только мы, большевики, знаем эту дорогу к счастью и знаем как по ней идти. И на эту дорогу надо – кнутом, кнутом! Потому – по билетикам! Или – в расход, чтобы не мешать идти другим. Третьего не дано!

Сафаров испугано выкрикнул:

- Это – тирания!

Ленин встал. Теперь он говорил, нет, не говорил, он декламировал. И слова шли у него искренне, из тайников души, и завораживали беспощадностью реальности, убеждая и пригвождая своей неотвратимой истинностью:

- Это – диктатура. Диктатура повелевающего класса. Гегемона. Диктатура пролетариата, лучшую часть которого мы здесь с вами и представляем.

Равич была повержена мощью ленинского духа, но все же постаралась вяло сопротивляться:

- И что же? И мы – по билетикам в туалет?

Ленин добивал ее. Убеждал ее. Он овладевал ее сознанием своими доводами, простыми и страшными:

- Да! Да! Да! Чтобы научиться управлять. Собой. Другими. Только тогда вы сами поймете, что всеобщий поход к счастью должен быть организованным и строжайше дисциплинированным. И только тогда вы сами сможете выдавать ... тоже билетки.

Равич вспыхнула от собственной глупости. Как она могла! Она была готова стать на колени и умолять Ленина:

- Товарищ Ленин, Владимир Ильич... Мы виноваты, простите. Я поняла и оценила верность ваших слов.

Равич потянула за собой упирающегося Сафарова. Они заспорили, но уже в коридоре.

В Ленине было что-то демоническое. Демон вырвался из неволи, из подземелья души. Да, только так. Он вдруг переосмыслил то, что было за эти сутки в вагоне. Строить революцию, управлять ею можно и нужно только

если быть Тираном. Без жалости и пощады обрекая на небытие все то, что мешает. Революция и власть – только их сочетание способно привести к его великой мессианской цели.

Либерализм и демократия – это крах, это развал и гибель. Цезарь, Тимур, Карл Великий, Петр Великий – они созидали величайшие империи и не оглядывались, сколько позади оставалось крови и костей. Даже империя Христа, империя духа всеобщего прощения и любви, эта слюнявая поповщина и мракобесие, тоже цементировалась на потоках крови – от казней первых христиан при Нероне до инквизиции. А он жаждет построить империю всеобщего равенства и счастья, и этот путь тоже не будет усыпан цветами. И ради общей победы стоит жертвовать многим и многими.

Он теперь до конца осознал учение Нечаева. И он разовьет его, усовершенствует.

Вагон вздрогнул. Поезд тихо начал набирать ход. Вечерние сумерки забегали по коридору, по стенкам купе.

Берлин. 10 апреля 1917 года. 20.14.

Вильгельмштрассе.

Резиденция Министерства иностранных дел Германии.

Телеграфная. С диска телеграфного аппарата сползла ленточка.

«Прошу подтвердить получение депеши германского правительства шведской стороной о просьбе МИД Германии согласно установленной договоренности кайзера Германии и короля Швеции о предоставлении русским политическим эмигрантам, следующим транзитом через Германию в Швецию, беспрепятственного въезда в Швецию для дальнейшего проезда в Россию. Полномочный представитель МИД Германии Шкларц».

Глубокая ночь. Поезд стоял на каком-то полустанке. Ленин заботливо укрыл спящую Крупскую, вышел в темный коридор, открыл окно. Пахло свежестью. Откуда-то донесся треск сверчков.

Ленин жадно вдыхал воздух, у него еще не прошло опьянение, вызванное пониманием роли личности в истории применительно к его личности. Об этом он раньше особо не задумывался, загруженный теоретическими обоснованиями прошедшей и грядущей революций. Но впервые он задумался о практическом воплощении своих теорий, и с поразительной ясностью и убежденностью, которые жили в его душе, но не требовали доселе первенства, понял, только он сам и способен дать этим теориям жизнь, и никто другой. И идеям этим придется пробивать путь в массы через кровь.

Он будет тираном. Он не понимал, что он – уже тиран.

Открылась дверь соседнего купе, тихо выскользнула Арманд. Стала рядом.

- Не помешаю?

Ленин по-прежнему смотрел в окно:



- Нет, Ты не можешь мне помешать.

Инесса смотрела на него сбоку, на его одухотворенное, даже как бы светящееся лицо:

- Здорово ты отчитал этого непутевого Карлушу. Не злись на него, ну невысокого ума человек, зато как смел, предан идее – это же надо умудриться агитировать в Германии немецких солдат...

Ленин прищурился:

- А я и не злюсь.

Арманд почувствовала, что у Ленина какие-то совсем иные мысли, далекие от вагонных событий:

- О чем ты думаешь?

- Сколько нам осталось жить? – тихо сказал Ленин.

- Ты устал, Володя, – она коснулась пальцами его холодной руки, и услышала, как рывками, словно загнанный в тесную клетку лев, бьется его пульс.

Ленин повернулся к ней:

- Мы мчимся навстречу судьбе – либо пропасть, либо пьедестал. Россия нас встретит либо флагами, либо намыленной веревкой.

Арманд, улыбнулась, ответила просто, словно в этом не было никаких сомнений:

- Россия ждет тебя, Володя. Ждет как мессию.

Ленин улыбнулся:

- В тебе говорит идеалистка.

Арманд печально заметила:

- Во мне говорит женщина. Женщина, которая положила на алтарь все – аристократизм, мужа, детей, богатство, - когда узнала человека по имени Ленин. И она следует за ним, и ни о чем не жалеет.

Ленин осторожно обнял ее за плечи, стараясь не нарушить возникшую гармонию:

- Но тот, за которым она следует... Он ничего не может ей дать... как мужчина.

Арманд дышала ему в лицо:

- Ты для меня не просто мужчина.

Ленин удивился:

- Вот как?

- Ты для меня – Бог. И я смиренно склоняюсь перед этим божеством, вошедшим в мою душу, - в этот момент она также была одухотворена, как и он.

Ленин почувствовал ее страсть:

- Прости, Инесса. Боги холодны и далеки от мирских дел. Им ведомы законы управления миром, но не законы человеческой любви.

Арманд смиренно кивнула, ее красивая шея изогнулась в некоем поклоне:

- Управляй миром, мой Бог. А управлять нашей любовью предоставь мне. Она не причинит тебе никаких помех. Пока... пока я жива.

Ленин вдруг с чувством схватил ее руку:

- Не говори так, не смей, не имеешь права. Если бы не ты и не Надя... я был бы другим.

- Ты бы остался таким, как есть. – эхом отозвалась она.

Ленин, споря не с ней, а с самим собой, своими мыслями, сомнениями, ответил ей:

- Нет, я бы превратился во второго Нечаева. Такая же истребляющая тело и дух всепоглощающая жажда революционного разрушения и преобразования.

Арманд внимательно взглянула в его блестящие глаза:

- Он так и остался твоим кумиром, Нечаев?

Ленин кивнул:

- Он – мой учитель. А катехизис революционера, что он написал, когда мы победим, я потребую издать наряду с первыми декретами новой власти.

Арманд помолчала и совершенно неожиданно для него и для себя спросила:

- Ты... любишь меня?

Ленин замер и снова засмотрелся в темную глубину чужой земли, приветствующей их пением цикад:

- Я не могу ответить. Я не знаю многих земных чувств, ибо всю жизнь избегал их, готовя себя к жизни революционера. Знаю, что когда тебя нет долго рядом, мне становится не по себе. И Надя это знает, поэтому она к тебе тоже привязалась. Ты меня понимаешь... и мне этого достаточно.

Арманд прижалась к нему:

- Мне хорошо с тобой. Я хочу чувствовать тебя...

Ленин обнял ее и прошептал:

- Я тоже... Знаешь, мне иногда становится страшно от мысли, что я возвращаюсь в Россию. Знаю и то, если я тебя потеряю там, в России, я не прощу ей так же, как не простил смерть брата...

Где-то впереди послышался сиплый гудок паровоза. Вагон дернулся, и мягко пошел вперед. На мгновение силой инерции их лица, как и тела прижались, щека к щеке, губы к губам...

## Часть 4

Поезд уносил вагон вглубь Германии. Стояла дремотная тишина. Политэмигранты общались между собой мало, занятые своими делами. И вообще старались особо не шуметь.

Все знали, а кто не догадывался, тому Цхакая внушительно объяснял:

- Ленин работает.

Крупская неотрывно смотрела в окно. Казалось, еще с того момента, как они сели в это купе, она заняла свое место и сторожит его, развлекаясь разглядыванием мелькавших за окном картинок. На самом деле она охраняла рабочий режим мужа, готовая по любому его слову сорваться и быть полезной как угодно – хоть убрать бумажки, хоть приготовить чай, хоть

слушать его. Порой, утомившись писать и разгибая затекшую спину, он расслаблялся и, отдыхая, диктовал ей незначительные по важности сообщения – корреспонденции различным адресатам. Крупская не сообщала ему, что все равно, пока они не доедут до места назначения, ни одно письмо, ни одна открытка не будут отправлены. Он был выше этих технических мелочей и даже представления не имел, как это написанное им может еще находиться здесь, в вагоне.

Но минутный отдых проходил, и он снова бросался за свою работу. Теперь нужно было категорически и ясно оформить все то, что он обдумал за эти дни заточения в вагоне. В его голове уже сформировалось ясно – что он станет делать в России и с Россией. Осталось только затвердить это на бумаге в виде тезисов.

Ленин, скорчившись за купейным столиком, стремительно и размахисто писал, перечеркивал, писал снова, отрешенный от всего. Он так глубоко погрузился в шлифовку своих окончательных идей социалистической революции, что, казалось, ткни его пальцем, и он будет очень долго соображать, где находится.

Крупская невольно вздохнула, оторвав глаза от окна. Это был оправданный жест. Не докучая мужу, она все-таки четко следила за его рабочим графиком, чтобы он не переутомлялся, хотя Ленин этого и не замечал:

- Все то же. Следы разорительной войны повсюду. Помнишь, Володя, какая это была цветущая страна, - сознательно отвлекала она его, и он, подняв покрасневшие глаза, недоуменно поначалу, но отреагировал на ее слова:

- Войны приводят к революциям. Пусть это цинично звучит, но нужна война, как потрясение, чтобы возникло новое и светлое. Война убирает с собой старое и отжившее. Пепел – это та площадка, с которой мы начнем строить свое общество. И мы должны, не просто обязаны – сотворить пепел...

Крупская, не сознавая, какие бури за последние дни прогремели в душе ее мужа, наивно спросила:

- А что можно построить на развалинах?

Ленин прищурился на нее:

- Строить? Думаю, что строить – это удел поколений, которые придут после нас, наученные нашим идеям. Они начнут строить все, что ты захочешь. Они будут свободны в этом, ибо сбросят с себя оковы старого мира. Никаких обязательств, никаких догм, никаких устоев, никакой морали старого мира. Через полное отрицание. Нечаев прав – нигилизм прежде всего. Это как промывание желудка. Уносит всю грязь.

Крупская подошла к нему, поправила съехавшее с его колен одеяло и опять вздохнула:

- Выдержишь ли, Володя. Я беспокоюсь за тебя.

Ленин пытливо поглядел на нее, у него не было секретов от жены, самого верного его соратника и надежного, которому он выкладывал свое

самое сокровенное, и это падало в Крупскую, как в большой и очень глубокий колодец, не вызывая даже отдаленного всплеска.

- Выдержу. Я чувствую – пришло мое время. Я пишу сейчас тезисы – не знаю, как назвать, может быть в честь этого весеннего месяца. Пусть будут апрельскими тезисами. В них – наша программа на текущий момент. Мы перевернем Россию. Мы уничтожим ее, чтобы те, другие, построили новую – коммунистическую Россию.

Крупская блаженно улыбнулась:

- В тебя нельзя не верить.

Ленин опять начал писать, а она задремала под все тот же монотонный перестук колес. Проснулась от толчка – поезд тормозил. И тут же постучали в дверь, и зашел Платтен. И только сейчас до Крупской дошло, а ведь она не знает – в каком купе едет сам Платтен? Да и вообще – кто где едет, она ни разу, кроме той страшной ночи, когда их всех высадили на границе, она не выходила из купе, охраняя наседкой свой курятник.

- Мы подъезжаем к Франкфурту, - объявил Платтен.

- Всего лишь к Франкфурту? – Ленин оторвался от своих бумаг и в недоумении уставился на него.

- Мы очень отстаем, наверное, сбились с графика, - извинительно сказал тот. – Посмотрю что там.

Вокзал Франкфурта встретил звуками шарманок. Жалкие простые мелодии оставляли равнодушными обитателей вагона, которые понемногу стали тупеть от однообразия и постоянного нервного напряжения, ожидая каждую минуту подвоха со стороны немцев

Звуки шарманок перебили незнакомые голоса. Вернулся возбужденный Платтен. Позади него стоял некий субъект, весь взъерошенный.

Ленин вопросительно посмотрел на него, затем на Платтена. В его взгляде читалось осуждение, и Платтен почувствовал себя неловко. Все же он показал рукой на субъекта и пояснил:

- Это – немецкий социал-демократ. Просит оставить в нашем вагоне. Его преследуют.

Ленин, не мигая, процедил:

- Никого оставлять нельзя. Я на это не пойду.

Платтен, вот уж святая наивность, совершенно не представлявшая серьезности ситуации, наивно спросил:

- А если ему угрожает опасность?

Ленин, нисколько не смущаясь, что немецкий социал-демократ все слышит, визгливо крикнул:

- А какая опасность будет угрожать всем нам, если мы опять нарушим договоренность с немецкими властями?

Он не хотел больше рисковать по пустякам. С него хватило Радека. Он выполнял все предписанные правила большой игры, правила, выстроенные очень серьезными и умными противниками. И не делал ненужных ходов, прикидываясь исполнительным паинькой, таким агнцем, которого пусть и везут на заклание, но он все стерпит.

Он допускал, что это – действительно социал-демократ, оказавшийся в опасности. Но уже окрепшая, более того – затвердевшая в нем стратегия действий не позволяла никакого снисхождения ни к кому.

Немецкий социал-демократ просительно протянул к нему руки, трогательно и беспомощно:

- Но мы же должны быть солидарны...

Ленин молча поднялся, взял за шкурку упирающегося немца, у которого даже отвисла челюсть от такого нежданного напора, и с большим трудом протащил его к тамбуру и столкнул с подножки тамбура.

Запыхавшись, он вернулся к застывшему столбом и лишившемуся дара речи швейцарскому товарищу и коллеге по социал-демократии и назидательно, и твердо сказал:

- Даже если бы это был мой брат, я бы поступил так же. Мы не имеем права на риск. В нашем деле всегда будут жертвы. Пожертвуем судьбой этого социалиста во имя высшей цели. Запомните Платтен, при необходимости я буду без зазрения совести рисковать не одной судьбой, и даже не десятком, и не тысячами, а – миллионами, чтобы построить настоящий коммунизм. Только дело, омытое великой кровью, становится великим.

Берлин. 11 апреля 1917 года. 16.30.

Вильгельмштрассе.

Резиденция Министерства иностранных дел.

Берген рассматривал шахматный этюд и одновременно слушал Шкларца. Этюд был довольно любопытный, черная пешка могла превратиться в ферзя через два хода, если только король белых не возьмет ее при помощи ладьи в клещи. Но как взять в клещи – он не мог додуматься. Наверное, отвлекал Шкларц.

- Вот так взял и вытолкал взащей... - переспросил Берген.

- Да, - мрачно ответил тот.

Берген смел шахматные фигуры, и они рассыпались по полу:

- Я и не предполагал, что у вас столько бездарных агентов, милый Георг.

Шкларц насупился:

- Откуда взять толковых, все на фронтах.

Берген прошелся по кабинету, стараясь не наступать на упавшие фигурки:

- Да, измельчала наша бедная Германия. Но каков Ленин! Он мне начинает нравиться. Неуступчивый какой, и как нас распознает. Вот, Георг, учитесь у него настоящей конспиративной хватке. М-да, этот человек и в самом деле способен на большое.

Шкларц насупился еще больше:

- Вы в нем так уверены?

Берген утвердительно взмахнул головой:

- Да. Он – одержим. Он ухватил идею этого посредственного философа Мордехая, то бишь Маркса, и подмял под себя. В идеях Ленина нет ничего от Маркса. Впрочем, это не мешает Ленину прикрываться этим фетишем. Забавно, не так ли? Но скажите это Ленину, и вы получите оплеуху. Нет, этот человек замахнулся на многое. И если у него получится, то Россию можно вычеркивать из списка наших врагов хотя бы на лет пятьдесят.

Шкларц не заглядывал так далеко, ибо справедливо полагал, что ему в логике с руководством не сравниться:

- Не понял, она станет нашим союзником?

Берген с плохо скрываемым разочарованием оглядел подчиненного. Да. Германия мельчает не только агентами, но и умами:

- О чем это вы, Георг. Нет, конечно. Россия просто развалится. И ее развалит это одержимый революционер. Он ни перед чем не остановится. Не остановился же он перед союзом с нами, хотя это выглядит, мягко говоря, непорядочно и попахивает предательством. Если ему нужно, он вступит в сделку с самим дьяволом, чтобы достичь своего. Вы думаете, мы его нашли, чтобы бросить в Россию. Он сам ждал нас. И у меня появились сомнения – кто кого использует...

- Не понял, - признался Шкларц.

- И неважно, - небрежно заметил Берген. – Так вот. Он готов на сделку с дьяволом. Он сам – дьявол во плоти. Шкларц. Да, да, этот маленький лысоватый херувимчик – настоящий демон. И поэтому Россию ждет страшная беда. Хорошо, что в Германии таких одержимых рождаться не может, ибо тогда я бы оплакивал гибель нашей страны. Ленин – это вождь, кумир, фюрер – это лавина, водопад, смерч, как выразился бы наш любимый поэт кайзер... Слава Господу, что Германия способна производить на свет кайзеров, а не фюреров... Ладно. Что там с русскими?

Вот этот вопрос Шкларцу был понятен в отличие от софистских рассуждений патрона.

- Поезд с русскими завтра будет в Берлине.

Берген прошелся к окну:

- Почему же молчит Швеция?

Берлин. 12 апреля 1917 года. 11.25.

К Главному железнодорожному вокзалу подошел поезд. В его последнем вагоне царило необычное оживление. Оно напоминало и лихорадочную веселость, несколько искусственную, и некую напряженность, связанную с огромной психологической усталостью. И любопытство – как же, они в столице врага. Только один человек не замечал всего этого оживления и суеты. Ленин. Он заканчивал свои тезисы.

Вагон несколько раз дернули и отцепили. Маневровый тепловоз потащил его на далекие запасные пути.

В вагоне, по мере того, как отъезжал маневровый паровоз, менялось и настроение. Оживление уступило место унынию.

В коридоре слышались голоса:

- Опять отцепили.

- Да сколько же можно так ехать...

- Не иначе, как будут решать снова нашу судьбу.

Ленин не участвовал ни в каких разговорах. Он вышел из купе, прошел по коридору, ему почтительно уступали проход.

Ленин шел отрешенно, нашептывая сам себе то, что мог слышать лишь он. Казалось, что он прогуливается, не понимая где, и его голова занята другим. Внезапно его что-то осенило, он резко повернулся и торопливо бросился в купе.

Он подбежал к своим записям и что-то стал быстро писать.

С коридора донесся гул недовольных очередной долгой стоянкой голосов.

Ленин недовольно поморщился и заткнул уши, Последние абзацы, последние предложения, последние слова...

Нет, ну это невозможно! Как смеют его отвлекать!

Появляется, стуча в дверь Платтен. За ним радостно-возбужденные лица политэмигрантов вагона. Слышатся какие-то приветственные возгласы. За ними незнакомые лица, выглядывающие Ленина.

Все это его покорило и разозлило. Нет уж – диктатура! Порядок. Никакого миндальничанья. Ни в большом. Ни в малом.

Платтен цвел розой:

- Вот, к нам делегация немецких социал-демократов. Прослышали, значит, что мы здесь. Хотя вас послушать, Владимир Ильич.

Ленин тихо и яростно прошипел:

- Я занят.

Платтен не унимался:

- Очень уж хотят...

Ленин поднял заслезившиеся глаза, готовый мало не бросится с кулаками на туповатого шевцарца:

-: Я уже говорил вам, Фриц – никаких гостей в вагоне. Мы ни с кем говорить не будем.

Платтен был обескуражен:

- И что мне им сказать?

Ленин сорвался. Его истошный крик прозвучал на весь вагон и проник за его щели:

- Пусть убираются к черту!

Он с силой захлопнул дверь купе. И не открыл даже когда на его крик прибежала Крупская, все-таки рискнувшая выйти в соседнее купе посудачить с Арманд.

Ленинские слова повисли в воздухе. Возникла неловкая пауза. Делегация немецких социал-демократов сконфуженно заторопилась из вагона. К сожалению, они так и не послушали знаменитого русского вождя.

Остальные молча разошлись по купе.

Берлин. 12 апреля 1917 года. 12.23.  
Вильгельмштрассе.  
Дворец кайзера.

12 апреля – было светлым пасхальным днем. По этому случаю у кайзера было чудесное настроение, которое еще больше улучшалось, когда он посматривал в сторону сидевшего на другом конце стола мрачного бледного Бергена.

Подождав, пока лакей наполнит его бокал вином, кайзер миролюбиво обратился к Бергену

- Мой любезный Берген, как наши русские друзья?

- Они в Берлине, мой кайзер, - отозвался тот.

Кайзер удивился, но это у него плохо получилось, ненатурально, хотя кайзер не следил за своим актерским способностями, полагая, что они и так блестящи:

- Уже? Сегодня светлый день. Думаю, нам надо в честь пасхи раздать этим русским эмигрантам белые флажки для распространения в России, чтобы эти русские просветили умы своих земляков... На них можно даже отпечатать мое легкое приветствие русскому народу...

Берген пробурчал:

- В таком случае их точно повесят сразу же.

Кайзер прижал к уху ладонь:

- Что вы там лепечете, Берген?

Берген ответил громко и как можно бодрее:

- Блестящая идея, мой кайзер. Я удивляюсь – сколько мудрости в вашей голове. Думаю, что русские, однако, в силу своего варварства, не оценят этой идеи и не захотят принять ваш сердечный дар.

Кайзер искренне огорчился:

- Жаль. Ох, эти русские, никогда не знаешь – чего они хотят. Но как вам моя идея с флажками?

Берген покраснел:

- Мне стыдно, что она не посетила меня.

Кайзер милостиво улыбнулся:

- Я вижу, как вы покраснели. Ну, бросьте, Берген, не переживайте. Даже при вашем уме сложно угнаться за полетом мыслей венценосных персон.

Берген был само послушание:

- Я понимаю это. Я счастлив служить под началом такого мудрого кайзера.

Кайзер снисходительно опустил голову:

- Ценю. Не каждому это удастся. Вы счастливы, Берген?

Берген даже чуть ли не вскочил на стол, перепугав чинного лакея, наливавшего ему вино:

- Как только вижу вас, мой кайзер. Но для полного счастья мне не хватает вестей из Швеции.



Кайзер нахмурился. Он не уловил связи между собой и какой-то Швецией:

- А что в Швеции? Наводнение?

Берген тихо ответил сам себе:

- Они молчат... И я не знаю, куда девать русских.

Он не знал, что в это время в канцелярии министерства иностранных дел Германии, дежурный чиновник, насвистывая, держал в руках нужный ему документ и рассуждал.

- Из Швеции. Бергену. Они с ума сошли. Зачем Бергену в пасху маяться в министерстве? Подождет до завтра.

Рассудив таким образом, с чистой душой он положил запечатанный конверт в ящик стола, закрыл ящик на ключ и ушел.

В вагоне застыла скучная тишь.

Ленин по-кошачьи открыл дверь своего купе, воровато и с хитрым прищуром оглядел пустынный коридор и вошел в купе к Зиновьеву. Зиновьев обмахивал себя газетой и был не готов к визиту Владимира Ильича. Он вскочил.

- Это форменное издевательство. Они нас ни в грош не ставят. Мы уже четвертый час торчим в этом тупике.

Ленин пропустил мимо ушей реплику Зиновьева. У него был отрешенный от тусклой действительности искрящийся взгляд. Он схватил Зиновьева за плечи и потряс его:

- Рубикон перейден. Программа действий готова. Прошу ко мне в купе. Вы будете первыми ее слушателями...

Через четверть часа купе Ленина было набито битком. Посчастливилось сесть только ближайшему окружению вождя и самым прытким - Крупской, Зиновьеву, Арманд, Равич, Радеку, Цхакая. В дверях купе толпились остальные.

Сам Ленин стоял, освещаемый через окно, как юпитерами, берлинским солнцем. Он вещал:

- Мы должны прибыть в Россию, вооруженные планом всепокрушающей борьбы. Наша партия, от имени которой я излагаю сейчас основные взгляды на текущий момент, - единственная партия, которая способна продолжить революционное дело, собственно - превратить нынешнюю буржуазную революцию - в социалистическую. Разброда и шатаний - не по-тер-пим!

Зиновьев сказал от имени всех:

- Верно...

- Не будем строить иллюзий, впереди - только борьба, - вдохновенно продолжал Ленин. - Февральская революция, которую мы предрекали, произошла. Мы ее предвидели, но не мы ее организовали. Теперь дело нашей чести, нашей жизни - выхватить знамя революции из рук блаженствующих капиталистов, среди которых немало опаснейших врагов - Керенский и Милюков - главные, - и под этим знаменем объединить передовой класс революции - пролетариат.

- Пролетариат – и так наш! Он нас поддержит, - подал голос Радек. Но Ленин его проигнорировал.

- Пролетариату еще нужно промывать мозги, отравленные сладеньким сюсюканьем гнилой интеллигенции и продажных министров-капиталистов. Агитация, агитация и еще раз – агитация... Я долго думал, только в беспощадной и решительной борьбе, при полном самоотречении от всех норм морали, которые будут гнуть нас назад, только при полной преданности и вере в наше правое дело, мы придем к победе коммунизма.

Ленин прервался, как бы давая время на обдумывание его слов и предполагая вопросы. И они последовали. Зиновьев с придыханием спросил первым:

- Какие главные агитационные лозунги дня?

Ленин поднял руку:

- Самый главный – мир! Немедленный. Без всяких аннексий и контрибуций. Эту войну развязал царизм, мы ее прекратим – решительно и бесповоротно! Мы оставим фронты.

Сафаров, все тот же Сафаров, аки Фома неверующий, сомневался в верности этого лозунга:

- А как к этому отнесутся германцы?

Ленин поморщился:

- Когда немецкий солдат, тот же пролетарий, увидит, что воевать больше не с кем, что его брат – русский рабочий бросил винтовку, он прозреет и обратит свое оружие против собственных поработителей. В Германии – предреволюционная ситуация, не хватает искры. Мне вот Платтен рассказывал, как в Карлсруэ ему дежурный по вокзалу жаловался что за времена наступили – будь они неладны! Это в кайзеровской Германии, в стране верноподданных! Это – доказательство революционного брожения...

Платтен подтвердил:

- Да, этот старик был очень недоволен временами...

Ленин указал рукой на Платтена:

- Вот – убедились? Мир, мир и мир. Немецкий солдат не станет захватывать наши земли, они ему ни к чему. Наш уход с фронта будет для этого солдата лучшей агитацией и демонстрацией за мир. И когда его пошлют в бой, он даст этот бой сатрапам офицерам... Это станет началом европейской социалистической революции... За Германией – Швейцария, Франция, Австро-Венгрия... А там и Англия...

Платтен, как человек далекий от чаяний российского народа, не преминул тоже спросить:

- А в самой России как отнесутся к одностороннему миру? Не подумают о предательстве?

Ленин посмотрел на него восторженными глазами:

- А мы не собираемся бросать оружие! Идет беспощадная борьба. И это оружие нужно повернуть против кого следует. Мы превратим войну империалистическую в войну гражданскую. Кто не с нами, тот против нас. И таких будет немало. Но только так мы очистим Россию от своих врагов,

убедем колеблющихся, прищемим хвост неопределившимся. Это будет страшная, но необходимая война. Да – отец на сына, сын на отца... Ну и что? Очищение всегда болезненно. Но без него, без этого очищения, каковым и станет гражданская война, революция обречена!

Из коридора кто-то возбужденно крикнул:

- Предельно все ясно. Ну, а следующий лозунг дня?

Ленин, помолчав немного, внятно сказал:

- Земля...

Равич недоверчиво протянула:

- Земля-я? Крестьяне не совсем доверяют нашей партии, поймут ли они этот шаг?

Ленин был непоколебим в своей убежденности:

- Еще как? Они веками мечтали о земле, чтобы не гнуть шею на бар-дармоедов и помещиков. Да, крестьяне – в классовом отношении – слабы и тупы. Их способен оболванить любой болтун вроде Керенского, и они ему верят. Мы дадим им то, о чем они мечтали – землю. Но и спрос будет велик. Беднота пойдет за нами, зажиточные заупрямятся, но на то и будет беднота, чтобы сломать им хребет. Земля – великая сила, кому ее дадим, того к себе и привяжем.

- А если собственники земли заупрямятся?

Ленин сжал кулаки:

- Полная насильственная экспроприация земли. Миндальничать в этом вопросе – значит, предать интересы революции.

- А если среди бедноты – пьяницы и лодыри, ставшие безземельными от своей лени и алкоголизма, им тоже – землю и права?

Ленин даже ухом не повел:

- Не-пре-мен-но! Опустившийся бедняк, находясь среди подобных, устыдится своего поведения и будет стараться исправиться, подтянуться до уровня своих земляков. Отсюда, путь исправления – коммуны! Трудовые земельные коммуны для общественного труда! В такой коммуне все будет делать легче сообща, да и бороться с кулаком сообща тоже легче... Крестьянин сегодня глуп и дремуч, ему плевать на любую политику, кроме той, которая наградит его землей. И он станет ручным псом этой политики. И он первым начнет душить мироедов-помещиков, и нам останется только помочь ему в этом. Направить, куда нужно...

Зиновьев поерзал на скамье:

- Ну, а как быть с государственной формой управления?

Ленин все больше вдохновлялся. Его глаза уже не блестели, они горели огнем:

- Вот тут и весь корень вопроса. Полное неминуемое уничтожение государственной власти...

Испуганный голос из коридора:

- Совсем?

Ленин крикнул страстно, убежденно, твердо, чтобы ни у кого не оставалось сомнений на этом счет:

- Да!

- Как же без государства – контроль, управление, функции... возразил кто-то из коридора.

- Современное государство – отжившая модель человеческого правления, и она тащит цивилизации вспять. Мы разрушим эту гнилую крепость до самого основания со всеми ее институтами... А управлять? Это кажется, что государственное управление - наука. Это – поповщина и капиталистические сказки. Мы подготовим свои кадры. И вы убедитесь, что даже кухарка будет способна управлять государством. Главное, чтобы такая кухарка была честной и преданной идеалам революции. И мы найдем таких кухарок.

- А атрибуты власти – полиция, банки... - не унимался кто-то, словно не веря услышанному.

Ленин входил в экстаз:

- Че-пу-ха! Полное уничтожение... На месте поверженной государственной клячи возникнет качественно иная, невиданная доселе форма правления - диктатура! (пауза, и дальше - очень торжественно и пафосно) Диктатура пролетариата! Именно она сменит отжившую эпоху. Вместо полиции диктатура учредит народные рабочие дружины – милицию. И по своему рвению защиты пролетарских порядков она будет куда честнее и профессиональнее полиции. Это будет подлинно народная социалистическая милиция, любимая народом и обожаемая им... Банки с их вонючим запахом золотого тельца заменит натуроплата. Получи товаром за наработанный труд. Все производимое будет сноситься в общий дом, склад, амбар... И каждому будет выдаваться по потребностям. Нужно? Заработал – получи... Мы обобществим труд. Мы обобществим потребности. Мы изменим сознание людей. Но в отличие от утопий Мора и ему подобных только – под железной недрожжащей рукой пролетариата. Кто не хочет – заставим. К счастью тоже порой нужно вести пинками...

- И диктатура пролетариата – на века... - в восторге подхватил Зиновьев, смахивая слезу.

Ленин предостерегающе протянул руку перед собой:

-: Нет. Диктатура пролетариата – высшая и последняя форма государственного устройства, которая затем отомрет сама собой, когда на земле возникнет полностью бесклассовое общество – общество подлинного равенства... В котором нет нужды в никаких свободах, ибо все и так будут свободны. Декларация свобод нужна только там, где этих свобод нет. А если общество свободно само по себе, ему не нужны декларации...

- Это – колоссальная работа, - выдохнул все тот же Зиновьев. -. Сможет ли наша партия все это...

- Сможет, ибо наша партия – это мозг пролетариата. Она будет управлять на первых стадиях действиями своего победоносного класса. Именно рабочий класс разломает, взорвет, разобьет до полного основания нынешнюю государственную машину.

Голос, явно принадлежащий одному из пяти меньшевиков, о которых Ленин уже и не помнил, ядовито заметил:

- Простите. Но ведь существует элементарное понятие государства, как органа, имеющего своим предназначением охрану политических, экономических и социальных интересов своих граждан...

Ленин не терпел пустопорожних вопросов, тем более, когда они шли вразрез с его доктринами, тем более – с этой, самой главной доктриной, символизировавшей высший его взлет. И он сорвался на визг:

- Слышится голос меньшевика... Нет, нет и еще раз нет. Архиглупо! Государство должно исчезнуть, и – все! Ничего больше...

- А давайте спросим у самих рабочих, как они к такой идее. Товарищи, есть ли тут среди нас рабочие... Кто из рабочего класса?

В вагоне повисло молчание.

Ленин перевел дыхание. Он еще не все сказал.

- Наступит час и мы призовем к ответу всяких ревизионеров и отщепенцев, которые не видят дальше своего носа и путают корыстные собственные интересы с партийной принадлежностью. Партия должна быть святым и нерушимым источником идейного вдохновения пролетариата, и мы будем чистить партию так же, как Россию от врагов революции. Мы создадим комиссии и подразделения, которые будут давить приспособленцев и продажных партийцев. Мы сами будем подавать пример самоочищения. И только так. Мы сами должны быть Маратами и Робеспьерами партии, чтобы пролетариат вдохновился на славные подвиги во имя революции. Суровые для себя мы будем суровыми и для других. Все кровные, родственные узы, любовь и дружба – все должно быть задавлено холодной страстью революционера... Под красным знаменем коммунистической идеи – к полной общей победе пролетариата. Это наша цель, наша задача – мы уничтожим все, что будет нам мешать...

На этот раз всем было все предельно понятно, вопросов вроде уже никто не задавал. Вагон распирало молчание.

И в этом молчании почудился еле слышный голос:

- А созидать? Кто будет созидать...

И в этот момент раздался стук колес, стук колес, стук колес... Вагон зашатало на стыках...

Все застыли... Они едут!

Радек, вскочив, начал петь

Это есть наш последний и решительный бой,

С Интернационалом воспрянет род людской...

Ленин стоял, как монумент, его глаза были полны слез и счастья, он на пути к своей миссии – программное заявление озвучено, и его ждет неминуемая победа.

Он сам не поет, а песня усиливается, кажется весь вагон на едином дыхании поет, воодушевляясь от слов.

Он в упоении от песни и от мыслей, высказанных только что. Он искреннее верит в сказанное им. Он строг и отстранен.

Отныне началась его игра, по его правилам. Они установлены и апробированы. И не Германии, ни Европе, которые в самоуверенном цинизме полагали, что они используют Ленина в своих целях, даже не могла закрасться мысль, что это Ленин использует их. Но пусть пока спят спокойно – свои правила он уготовил пока не для них. Он их введет в дело в России. Единственная страна в мире, которая ожидает мессианства. И мессия почти рядом...

Берлин. 12 апреля 1917 года. 13.30.

Вильгельмштрассе.

Резиденция Министерства иностранных дел Германии.

Здание министерства по причине наступившей Пасхи было пустынно. Лишь дежурные сотрудники клевали носами за своими столами, раздумывая, что же они натворили такого, что в такой день именно их заставили мучиться на работе.

Поэтому, когда в здание стремительно вошел Берген, это вызвало немалый переполох.

Дежурный, усиленно отряхиваясь от следов дремотного состояния. Подобострастно ел глазами всеильного чиновника.

Берген скептически окинул взглядом его помятое лицо и быстро спросил:

- На мое имя ничего не поступало из Швеции?

Дежурный по жал плечами:

- При мне, ничего, - господин Берген.

- А до вас?

Дежурный посмотрел на часы:

- Мой предшественник сменился ровно час назад. Мне он ничего не говорил.

Берген нахмурился:

- Черт знает что такое. Он получал сегодня корреспонденцию?

- Должен.

- Что значит – должен, - заорал Берген.

- Корреспонденция, которая приходит в выходной или праздничный день, хранится у дежурного и относится по адресатам с утра в рабочий день. – пролепетал испуганно дежурный.

Берген навис над ним?

- У вас есть ключи от его стола?

Дежурный вытаращился на Бергена, словно ему предлагали взорвать все Министерство:

- Это не принято.

Берген со всей силы впаял кулак в стол:

- К черту! Ломайте его стол. Я отвечу.

Дежурный понял, что если он будет действовать по инструкции, то завтра он станет безработным. Об этом красноречиво свидетельствовало лицо Бергена, дышавшее решительностью и злостью. Он осторожно стал взламывать стол, но тот не поддавался. Под ничего хорошего не сулящим взглядом Бергена дежурный утроил прыть.

Стол скрипел, но не выдержал такого напора. Дверца с хрустом распахнулась. Берген отстранил дежурного, недолго думая. Перевернул все ящики с содержимым ящики, и к изумлению дежурного, нагнулся и поднял конверт на свое имя. Отправитель был из Швеции.

Берген повернулся к оторопевшему дежурному и лицо его пошло пятнами:

- Это что? – он тыкал письмом прямо ему в нос.

- Секретное письмо...на ваше имя. – проблеял уничтоженный дежурный, не соображая, за что его тут уничтожают.

Берген зловещим шепотом спросил:

- Так какого черта мне не сообщили?

- Не могу знать. Указано – лично. Дежурный вас не нашел и положил письмо...

Берген обхватил голову руками и закричал на весь зал:

- Тупицы! Чисто немецкая педантичная тупость!

Знаком отправив дежурного восвояси, он стал бегло читать текст. Его лицо прояснилось.

- Ну, вот и все.

Убитый горем дежурный видел как вскоре в здание министерства влетел еще кто-то, как поднялась какая-то суматоха, потом все затихло, и вдруг перед его лицом рельефно обозначилась добродушная физиономия Бергена, который уж совсем обескуражил дежурного:

- Ну, ну, не смотрите на меня загнанной овцой, я не волк. Нынче пасха, я разрешаю вам в честь этого святого для немцев праздника, выпить по кружке доброго пива.

- Как же, - промычал совсем сбитый с толку дежурный.

- Вы знаете – кто я? – миролюбиво осведомился Берген.

- Еще бы, сглотнул дежурный.

- Так вот, если я разрешаю, значит вам разрешено. Только не спутайте кружку пива с цистерной.

И Берген удалился, оставив дежурного в полной прострации.

Берлинский вокзал вдруг качнулся и поплыл. Это было так неожиданно, что в вагоне одновременно ахнули тридцать с лишним ртов. Но это было похоже на правду. Поезд тронулся. Он не просто тронулся, он стал набирать ход.

Если бы наблюдательные обитатели вокзала пригляделись к последнему вагона уходящего поезда, они бы с интересом обнаружили бледные уставшие лица, недвижимо уставившиеся на них через окна вагона. И лишь в одном окне стоял невысокий лысоватый мужчина с хмурым взглядом. Его руки

были засунуты в карманы. И вся его поза говорила, что вот-вот он куда-то прыгнет.

Он и в самом деле стоял, как перед рывком... Рывком в будущее, которое ему уже виделось очень отчетливо.

Ленин уже прощался с Германией, хотя путь предстоял еще не близкий.

Германия. Город-порт Засниц. Тот же день. 22.00.

Начальник вокзала, дородный пожилой мужчина, раскладывал пасьянс. Пасьянс не сходился, и он нервничал.

Требовательный стук в дверь его кабинета заставил вздрогнуть. Он недовольно посмотрел в ту сторону, и понял, что ничего хорошего нынешний вечер не сулит, недаром пасьянс не складывался.

Высокий мужчина в штатском костюме с небрежно накинутым поверх костюма плащом, молча протянул ему удостоверение.

- Через двадцать минут сюда прибудет поезд. Ваша задача – людям, которых к вам приведут, предоставить приличные условия на ночь, но в запертом помещении. Они ни с кем не должны общаться. В том числе и с вами. Никаких бесед. Под вашу личную ответственность. Неисполнение данного приказа будет расцениваться как измена кайзеру и великой Германии...

Начальник вокзала тупо моргал, как сова солнечным днем. Мужчина тем временем скользнул взглядом по столу, пошевелил пальцами и окончательно ввел начальника вокзала в транс:

- Пасьянс сложится... Да, и, само собой, нашего разговора не было.

К темному вокзалу Засница медленно подходил поезд. Вот он остановился, из некоторых вагонов выходили одиночные пассажиры и спешили по своим делам.

Только один вагон, казалось, не подает признаков жизни. Начальник вокзала сразу определил, что это и есть тот самый вагон. Они так и смотрели друг на друга – слезящимися от ветра и напряжения начальник вокзала – и вагон своими темными безжизненными окнами.

Наконец, оттуда появился один человек, другой...

Никто из вышедших не выказывал никаких эмоций - ни радостных, ни горестных. Они выглядели угрюмо опустошенно. Последним из вагона показался маленький невзрачный, по мнению начальника вокзала, человек в котелке и тяжелом, явно не по росту пальто. Вышедшие из вагона сгрудились возле него. А человек держался за поручни, прищурено вглядываясь в окружающий ландшафт. Наконец, подумав, он спрыгнул.

Все гуськом также молчаливо потянулись за начальником вокзала, старавшегося тоже быть немым перед этими молчаливыми пассажирами.

Берлин. 13 апреля 1917 года. 1346.

Вильгельмштрассе.



Резиденция Министерства иностранных дел Германии.

Кабинет Бергена и он сам излучали лучезарность. Даже темные шторы пламенели светлыми колерами.

Шкларц уверенно стоял перед патроном, предвкушая самое благоприятное течение беседы:

- Разрешите вас поздравить с успешным окончанием операции? – сказал он Бергену, развалившемуся в кресле и вытирающему ажурным платочком пенсне.

- Валяйте! Принимаю, Георг. Все отлично. Мины пошли к своим берегам. Силу взрывов, полагаю, мы оценим скоро. – охотно отозвался Берген..

Шкларц решил добавить оптимизма:

- Возможно, нам стоит задуматься над тем, чтобы таким же путем отправить в Россию других революционеров. Чем больше взрывов, тем быстрее она перестанет существовать?

Берген рассмеялся:

- Хорошая, нет – отличная идея! А, Георг! Над этим стоит подумать...

Но сам Берген, знал, что никакой подобной идеи быть уже не может. Он отправил в Россию самое страшное оружие, все остальное будет куда мельче и не эффективнее. Какой смысл переправлять туда, в эту восточную непонятную страну чертей, если туда уже переправился Демон.

Рассвет. Туманный и мрачный рассвет поднимался над серым морем. Море было беспокойным. На берег летели седые брызги и пена, норвя окатить холодной водой.

Ленин стоял на пристани. Он стоял один, заложив руки за спину и прищуренным внимательным взором прощупывал морскую стихию.

Остальные тридцать политэмигрантов стояли поодаль, не решаясь подойти поближе к вождю. За последние дни и часы они перестали узнавать в нем человека, на их глазах он превращался в неземное, влекущее к себе и увлекающее за собой, существо, как некое божество, которому следует поклоняться и покоряться. И их удел – служить этому божеству и идти с ним до конца. Такой страшной и поглощающей силой веяло от этого человека, с надеждой вглядывавшегося в морскую даль.

Ленин смахнул слезу. Вызванную бурлящим морем:

- Я этого мгновения ждал всю жизнь. И оно – за этим морем. Скоро мы увидимся, моя Россия...

Он заметил вдалеке некое темное пятно. Это был не пароход. Пятно, казалось, летело над волнами, приближаясь к нему.

Он обернулся, но по лицам почтительно смотревших на него политэмигрантов понял, что они этого пятна не видят.

Значит, есть только то, что способен видеть лишь он. Впрочем, он этому уже не удивлялся.

Пятно, однако, приближалось и приняло очертания некоего сказочного и ужасного дракона, который, открывая свою красную пасть, мотал мордой и взмахивал большими черными крыльями.

Ленин залюбовался мощностью и роскошеством силы этого неумолимо приближавшегося зверя. На мгновение он прикрыл глаза в радостном и тревожном ожидании.

Нет, это не дракон – над морем, ширясь и занимая горизонт, реяло на ветру красное полотнище. Хлопая, подобно крыльям дракона, он вбирало в себя все, окрашивая серый закат бордовым цветом.

На море ложились багрово-красные блики.

Да здравствует великая социалистическая революция – шептали его уста, и флаг, раскинувшийся над морем, словно услышав нужное заклинание, рвался, играя кровавыми красками, на свободу, на восток.